

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 52

1969

Сомерсет МОЭМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ОЖЕРЕЛЬЕ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 52

Сомерсет МОЭМ

ОЖЕРЕЛЬЕ

РАССКАЗЫ

Перевод с английского

Издательство «ПРАВДА»
Москва, 1969

Сомерсет МОЭМ

Сомерсет Моэм — один из крупнейших писателей нашего века, автор известных советскому читателю романов «Луна и грош», «Время страстей человеческих», драматург, эссеист, выдающийся мастер новеллы. Как новеллист Моэм, пожалуй, наиболее у нас популярен. Вышедший несколько лет назад сборник рассказов «Дождь» включает только часть его новеллистического наследия. В лучших своих рассказах Моэм выступает прямым продолжателем традиций реалистической классики прошлого века. Своим учителем он называл Мопассана. Лаконичное по стилю повествование Моэма всегда несет в себе мощный социальный заряд, и неожиданные концовки его рассказов несут для читателя характер психологического «взрыва». Рассказы, включенные в настоящий сборник, в большинстве своем переведены на русский язык впервые, но, бесспорно, принадлежат к лучшим достижениям писателя в этом жанре. И по материалу своему и даже как бы по самой своей композиции они остро-разоблачительны — по отношению к тем неписанным законам мира чистогана, которые уродуют в человеке все человеческое.

ВИДИМОСТЬ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Я не могу ручаться, что эта история целиком и полностью соответствует действительности, однако рассказал ее мне профессор французской литературы одного английского университета, а профессор этот — человек столь уважаемый, что, я полагаю, не будь она абсолютно правдивой, он не стал бы мне ее рассказывать. Этот профессор обычно привлекал внимание своих студентов к трем французским писателям, каждый из которых, по его твердому мнению, воплощает в себе одно из трех основных качеств, из коих складывается национальный характер француза. «Читая их книги,— говаривал профессор,— можно узнать о французском народе столько, что, будь моя воля, я бы не разрешил нашим правительственным чиновникам, которым предстоит иметь дела с Францией, занимать свои посты до тех пор, пока они не подвергнутся серьезному экзамену по творчеству этих писателей». Этими писателями были, во-первых, Рабле с его *gauloiserie* или, как некоторые считают, даже сквернословием, Рабле, который любит называть вещи не то что своими именами, а кое-чем похуже; во-вторых, Лафонтен с его *bonsens*, любящий резать правду-матку; и, в-третьих, Корнель с его *rapache*. В словарях это слово обычно переводится как «султан», что означает пучок перьев на рыцарском шлеме, но в переносном смысле оно символизирует черту характера, которая объединяет в себе такие свойства человеческой натуры, как благородство и высокомерие, хвастовство и доблесть, тщеславие и гордость. Именно *le rapache* побудило французского дворянина в Фонтенуа сказать офицерам короля Георга II: «Стреляйте первыми, господа!» Именно *le rapache* во время битвы при Ватерлоо исторгло из непристойных уст Камбронна фразу: «Гвардия умирает, но не сдается». И именно *le rapache* внушило нищему французскому поэту, получившему Нобелевскую премию, мысль сделать великолепный жест и отказаться от этой награды. Мой профессор был человеком незаурядным, а он считал, что история, которую я собираюсь изложить, высокопоучительна, ибо в ней отраже-

ны как в капле воды три вышеупомянутых основных свойства французского национального характера.

Я назвал мой рассказ «Видимость и действительность» — это название книги по философии, появившейся в Англии в девятнадцатом столетии. Книга эта несколько суховата, но все же читается с неослабевающим интересом. Написана она превосходным английским языком, полна тонкого юмора, и даже читатель, не обладающий специальными познаниями, не может, читая эту книгу, не испытать захватывающего ощущения ходьбы по воображаемому канату над метафизической пропастью, и он закрывает книгу, усвоив внушенную ему автором успокоительную мысль, что на свете ничто не имеет слишком уж большого значения. Разумеется, с моей стороны некрасиво использовать для своих целей заглавие столь прославленной книги, и мне не было бы никакого оправдания, не подходи это заглавие так удачно к моему рассказу. Хотя Лизетта была философом лишь в том смысле, в каком мы все философы, то есть мыслила о проблемах существования, но ее чувство действительности было столь развитым, а любовь к видимости столь непритворной, что она могла бы считать себя человеком, сумевшим примирить непримиримое. Другими словами — достигшим той цели, к которой стремились философы всех времен и народов.

Лизетта была француженкой; она проводила несколько часов своего рабочего дня, одеваясь и раздеваясь в одном из самых дорогих и фешенебельных салонов Парижа. Достойное занятие для молодой женщины, убежденной в красоте своей фигуры! Короче, она работала манекенщицей. Она была достаточно высока ростом, чтобы с изяществом носить шлейф, а ее бедра выглядели столь стройными, что, когда она надевала спортивный костюм, вокруг словно распространялся запах вереска. Длинные ноги позволяли ей носить пижаму, не скрывая их красоты, а на ее тонкой талии и маленькой груди самый непритязательный купальный халат вызывал восхищение. Ей шли любые наряды. В мантио из шиншиллы она могла завернуться так, что самые рассудительные люди признавали: да, шиншиллы стоят тех денег, которые на них тратятся. Толстые женщины, вульгарные женщины, коренастые женщины, костлявые женщины, старые женщины и бесформенно расплывшиеся женщины глядели на нее во все глаза и покупали платья, которые шли Лизетте, потому что она была в них так очаровательна. У нее были большие карие глаза, большой алый рот и чистая, лишь слегка покрытая веснушками кожа. Нелегко было ей выглядеть бесстрастной и холодной, как положено манекенщице, когда она выплывала из-за занавесок, медленно поворачивалась, притворяясь, что полна ко всей вселенной величественного презрения (в степени презрения

с ней мог соперничать разве только верблюд), и уплывала обратно. В больших карих глазах Лизетты мерцала подозрительность, а ее алые губки слегка вздрагивали, готовые, казалось, при малейшем поводе расплываться в улыбку. Вот это-то мерцание ее глаз и привлекло к ней внимание мосье Раймона Лесюра.

Он сидел в кресле, сделанном в стиле Людовика Шестнадцатого, рядом со своей супругой (занимавшей другое такое же кресло); супруга уговорила мосье Лесюра прийти на частный показ весенних мод. Поддавшись ее настояниям, он доказал свою любовь и привязанность, ибо мосье Лесюр был человеком весьма занятым, у которого, можно полагать, было много дел куда более важных, чем восседать в кресле и больше часа наблюдать парад дюжины прекрасных юных дев в поминутно меняющихся нарядах. Но он и женился-то не ради ее прекрасных глаз, и она сама даже в первые, самые страстные дни медового месяца не обманывалась относительно мотивов его сватовства. Он женился на ней для того, чтобы объединить процветающие сталелитейные заводы, наследником которых он был, с не менее процветающим производством паровозов. Их брак оказался удачным. Она обеспечила своего мужа сыном, который умел играть в теннис почти как профессионал, танцевать, как наемный танцор, и не пасовать при игре в бридж с каким угодно партнером; а также дочь, которую он смог обеспечить приданым, достаточным для того, чтобы выдать ее замуж за почти настоящего принца. У него были основания гордиться своими детьми. Будучи предусмотрительным и осторожным, он сумел запасти контрольными пакетами акций сахарного завода, автомобильного завода, киностудии и газеты; и, наконец, он накопил столько денег, что ему удалось убедить свободных и независимых избирателей одного участка послать его своим представителем в сенат. Он был человеком приятной наружности, внушительного телосложения, имел румяное лицо, коротко подстриженную седую бороду, лысый череп и жировые складки на затылке. Не было необходимости бросать взгляд на красные пуговицы, украшавшие его черный пиджак, чтобы уяснить себе, что перед вами человек значительный. Он умел быстро принимать решения, и, когда его жена, покинув салон, выразила желание направиться в некий дом играть в бридж, он расстался с ней, объявив, что в порядке моциона пойдет пешком в сенат, куда его призывал долг перед родиной. Однако он не предпринял столь дальней прогулки и ограничился тем, что стал шагать взад и вперед по переулку перед задней дверью из салона, через которую, как он знал, манекенщицы выходят по окончании рабочего дня. Примерно через полчаса появления стайки женщин, одни из которых были молоды и привлекательны, а другие не столь молоды и вовсе не

привлекательны, показало ему, что наступает минута, которой он ждал; и действительно, почти сразу же из дверей появилась Лизетта. Сенатор вполне отдавал себе отчет в том, что эта юная особа едва ли влюбится с первого взгляда, однако он знал, что его богатство и положение не раз перевешивали недостатки его внешности и избыток возраста. Лизетта вышла в компании нескольких юных девиц, что, возможно, смутило бы человека менее значительного, чем сенатор, но он не поколебался ни на йоту и, подойдя к Лизетте, приподнял шляпу (достаточно вежливо, но не настолько, чтобы показать свою лысину) и поздоровался с ней.

— Добрый вечер, мадемуазель! — сказал он, мило улыбаясь.

Она бросила на него быстрый взгляд, и ее алые губы задрожали в улыбке, затем она повернулась и, заговорив с одной из подруг, проследовала с ней по переулку, всем своим видом выражая величайшее безразличие. Отнюдь не обескураженный, сенатор шел за девушками на расстоянии нескольких ярдов. Они свернули на бульвар, дошли до площади Мадлен и там сели в автобус. Сенатор был вполне удовлетворен. Она отправилась домой с подругой, стало быть, у нее нет официального поклонника. Она отвернулась и не ответила на его обращение, значит, она скромна и хорошо воспитана, а он ценил это в молодых, хорошеньких женщинах. А ее плащ, плоская шляпа и вискозные чулки свидетельствовали о ее бедности и, следовательно, добродетели. В этом простеньком наряде она выглядела почти такой же привлекательной, как и в дорогих одеяниях, в которых она предстала взору сенатора в салоне. Он почувствовал, как его что-то кольнуло в сердце. Уже несколько лет он не испытывал этого ощущения, столь сладостного и в то же время удивительного, однако сразу же понял, что именно оно означает.

— Невероятно, но это любовь! — прошептал мосье Лесюр.

Никогда бы он не подумал, что ему суждено еще раз испытать это чувство. Он пожал плечами и отправился в частное сыскное бюро, где сделал запрос о молодой особе по имени Лизетта, работающей манекенщицей по такому-то и такому-то адресу. Затем, вспомнив, что сенат обсуждает вопрос о французском долге Соединенным Штатам, он взял такси, отправился в это великое учреждение, вошел в библиотеку и, опустившись в свое любимое кресло, погрузился в сладкую дрему. Ответ на свой запрос он получил из сыскного бюро через три дня. Все было как нельзя проще. Мадемуазель Лизетта Ларьон жила со своей вдовствующей теткой в двухкомнатной квартире парижского района Батиньоль. Ее отец, ветеран войны, держал табачную лавочку в маленьком городке на юге Франции. Лизетта платила за комнаты две тысячи франков. Ей было девятнадцать лет. Она

вела спокойную жизнь, любила ходить в кино и не имела, насколько удалось узнать, любовника. О ней хорошо отзывалась консьержка, ее любили подруги, с которыми она работала в салоне. По всем данным, она вполне заслуживала доверия, и сенатор не мог не подумать, что она самым небом послана ему, чтобы он утешился и отвлекся от тяжких трудов, связанных с государственными делами и суровыми требованиями большого бизнеса.

Нет необходимости подробно излагать все, что предпринял мосье Лесюр, дабы достичь заветной цели. Он был слишком занят, чтобы самому заниматься этим делом, но у него имелся личный секретарь, который не привык самостоятельно решать, за кого ему подать голос, и который сумел доказать честной, но бедной молодой женщине все выгоды, проистекающие из дружбы с таким человеком, как его патрон. Личный секретарь нанес визит вдовствующей тетке, которую звали мадам Саладен, и сообщил ей, что мосье Лесюр, идя в ногу с временем, очень интересуется кинематографией и склонен заняться производством фильмов (это показывает, как много может извлечь умный человек из обстоятельств, мимо которых заурядная личность пройдет, не заметив их). Мосье Лесюра поразила внешность мадемуазель и ее умение одеваться, и он подумал, что она могла бы неплохо сыграть роль, для которой он как раз ищет исполнительницу. (Будучи умным человеком, сенатор старался искажать истину как можно меньше.) Затем личный секретарь пригласил мадам Саладен и ее племянницу на обед, где они могли бы ближе познакомиться с сенатором, а он мог лучше уяснить, действительно ли мадемуазель Лизетта столь фото- и киноголична, как он полагал. Мадам Саладен сочла предложение весьма разумным и обещала поговорить со своей племянницей.

Когда мадам Саладен изложила Лизетте суть своего разговора с личным секретарем сенатора и объяснила ей, какое положение занимает их благодетель, сия молодая особа лишь передрнула плечами.

— *Cette vieille sape!* — сказала она; в точном переводе это означало: «Ах он старый карп!»

— Какая разница, карп он или нет, если он даст тебе роль? — спросила мадам Саладен. — Как-никак, а мы шикарно побеждаем, — продолжала она. — Что ты, ребенок, что ли?

— Где, он сказал, будет обед?

— В «Шато-де-Мадрид». Это же самый дорогой ресторан в мире!

Воистину это так, и вполне понятно почему. Кухня там превосходная, винный погреб славится повсюду, а расположение ресторана таково, что сидеть в нем летним вечером — одно удо-

вольствие. На щечках Лизетты появились очаровательные ямочки, а на больших алых губах — улыбка.

— Я могу взять платье из салона,— прошептала она.

Через несколько дней личный секретарь сенатора посадил мадам Саладен и ее прекрасную племянницу в такси и отвез их в Булонский лес. Облаченная в один из самых удачных образов своего салона, Лизетта выглядела настоящей принцессой, да и мадам Саладен была весьма представительна в своем собственном платье из черного атласа и в шляпке, которую Лизетта сама для нее сделала по этому случаю. Секретарь представил обеих дам мосье Лесюру, который приветствовал их с благосклонным достоинством политического деятеля, встречающего жену и дочь одного из влиятельных избирателей; со свойственной ему проницательностью сенатор угадал: именно за таковых приняли мадам Саладен и Лизетту люди, сидевшие за соседними столиками. Обед прошел удачно, и меньше чем через месяц Лизетта перебралась в прелестную квартирку, достаточно отдаленную как от ее места работы, так и от сената. Мосье Лесюр настаивал, чтобы в те часы, которые он посвящает бизнесу и государственным делам, она также не сидела сложа руки, а то долго ли до беды! Он отлично понимал, что если женщине весь день нечего делать, она способна истратить уйму денег. Умный человек должен думать и о таких вещах.

Однако порок расточительности не был свойствен Лизетте. Сенатор был влюблен и великодушен. Он очень обрадовался, узнав, что Лизетта вскоре начала копить деньги. Обставляя свою новую квартиру, она проявила разумную бережливость, а платья всегда покупала по торговым ценам, это позволило ей ежемесячно посылать некоторую сумму своему доблестному папаше; а тот в результате сумел приобрести несколько участков земли. Она продолжала жить тихо и скромно, и консьержка, сын которой намеревался устроиться на государственную службу, периодически докладывала удовлетворенному мосье Лесюру, что, кроме тетки да двух-трех подруг из салона, к Лизетте никто не ходит.

Никогда еще не был сенатор столь счастлив. Он с радостью думал, что даже в этом жестоком мире за благое деяние иногда воздается по заслугам; разве не был он побуждаем одною лишь добротой в тот день, когда, вместо того чтобы обсуждать государственный долг Соединенным Штатам, согласился сопроводить свою подругу на демонстрацию мод, где и увидел впервые пленительную Лизетту? Сенатор чем дальше, тем больше любил ее. С ней было приятно поговорить. Она была весела и жизнерадостна и умела глубокомысленно выслушивать рассуждения сенатора о деловых операциях и о государственных делах. С ней

он отдыхал от трудов и отвлекался от забот. Она всегда радовалась его приходу (а приходил он довольно часто, обычно между пятью и семью часами) и огорчалась, когда он уходил. Она умела дать понять, что он для нее не только любовник, но и друг. Иногда они вместе обедали в ее квартирке, и, наслаждаясь хорошо приготовленной пищей и домашним уютом, сенатор полностью отдавался тихим радостям семейной жизни. Дружью говорили ему, что он стал выглядеть лет на двадцать моложе, и он сам это чувствовал. Он понимал, что ему повезло, и сознавал, что, истово потрудившись на пользу обществу, он вполне заслужил свое счастье. Поэтому после двух лет особенно чувствительным был для него удар судьбы: однажды воскресным утром, возвратившись неожиданно в Париж из поездки в свой избирательный округ (поездки, которая должна была продлиться еще сутки) и мечтая застать Лизетту еще в постели (это был выходной день), он открыл дверь ее квартиры собственным ключом и обнаружил ее в спальне за завтраком тет-а-тет с незнакомым ему молодым человеком, который к тому же был облачен в его (сенатора) новую пижаму. Лизетта очень удивилась.

— Tiens! — воскликнула она. — Откуда ты взялся? А я ждала тебя только завтра.

— Министерство пало, — машинально ответил сенатор. — Меня срочно вызвали. Мне собираются предложить пост министра внутренних дел.

Сенатор хотел сказать совсем не то. Он сердито посмотрел на молодого человека, надевшего его пижаму, и грозно промолвил:

— Кто этот молодой человек?

— Мой любовник, — сказала Лизетта.

Мосье Лесюр был человек дела. Он подошел к Лизетте и сначала левой рукой с силой ударил ее по правой щеке, а потом правой рукой с силой ударил ее по левой щеке.

— Скотина! — завопила Лизетта.

Сенатор повернулся к молодому человеку, в некотором замешательстве наблюдавшему эту сцену, принял театральную позу, выбросил вперед руку и направил свой перст в сторону двери.

— Вон отсюда! — крикнул он — Вон отсюда!

У сенатора, умевшего усмирить толпу разъяренных налогоплательщиков и привыкшего своей чарующей улыбкой успокаивать страсти разочарованных держателей акций на ежегодных совещаниях, был в этот момент вид столь властный и решительный, что молодой человек, казалось бы, должен был незамедлительно обратиться в бегство, однако он не отступил, поколебался, правда, но все же не отступил. Он умоляюще взглянул на Лизетту и пожал плечами.

— Чего вы ждете? — возопил сенатор. — Вы хотите, чтобы я применил силу?

— Не может же он выйти на улицу в своей пижаме, — сказала Лизетта.

— Это не его пижама, это моя пижама! — возопил сенатор.

— Ему же нужно одеться!

Мосье Лесюр огляделся по сторонам и увидел мужской костюм, небрежно висевший на спинке стула. Сенатор посмотрел на молодого человека уничтожающим взглядом.

— Можете взять свою одежду, — сказал он с холодным презрением.

Молодой человек взял костюм, подобрал с пола ботинки и исчез в другой комнате.

Мосье Лесюр обладал незаурядным даром красноречия, и никогда прежде он не пользовался этим даром с таким блеском. Он высказал Лизетте все, что о ней думает. Он обрисовал ее поведение самыми черными красками. Он извлек для нее из своего лексикона самые оскорбительные слова. Он призвал все силы неба в свидетели, что никогда еще женщина не платила столь черной неблагодарностью человеку, который свято ей верил. Короче, он выложил все, что подсказали ему гнев, обида и задетое самолюбие. Лизетта не пыталась защищаться. Она слушала сенатора молча, сокрушенно глядя в тарелку и машинально пощипывая булочку, которую из-за неожиданного появления сенатора не успела доестъ.

— Я настолько хотел, чтобы ты первая услышала эти замечательные новости, что приехал к тебе прямо с вокзала. Я мечтал, присев на край твоей постели, насладиться своим *petit déjeuner*. И что я вижу?

— Мой дорогой, ты еще не завтракал? Я сейчас же прикажу подать.

— Мне не нужно завтрака.

— Чепуха! Тебе предстоит принять на себя великую ответственность, и нужно беречь силы.

Она позвонила и приказала горничной принести кофе, сама разлила его по чашкам, но сенатор сначала не хотел даже притронуться к нему. Однако когда Лизетта намазала маслом булочку, он пожал плечами и принялся за еду, время от времени отпуская отдельные замечания о женском коварстве. Лизетта слушала молча.

— По крайней мере, — сказал он, — хорошо хотя бы, что у тебя не хватает наглости оправдываться. Ты знаешь, я не из тех, над кем можно безнаказанно измываться. Я воплощение великодушия по отношению к хорошим людям, но безжалостен к

людям дурным. Как только я допью кофе, я навсегда покину эти стены.

Лизетта вздохнула.

— Теперь я могу сказать, что у меня был приготовлен для тебя сюрприз. Я хотел ознаменовать вторую годовщину нашего знакомства, положив на твое имя некую сумму, чтобы ты ни от кого не зависела, если со мной что-нибудь случится.

— Какую сумму? — грустно спросила Лизетта.

— Миллион франков.

Она снова вздохнула. Что-то мягкое шлепнулось сенатору на голову, и он вздрогнул.

— Что это?

— Он возвращает твою пижаму.

Дело в том, что молодой человек открыл дверь, швырнул в сенатора пижамой и снова захлопнул дверь. Сенатор высвободил свою голову из шелковых штанов, обвинившихся вокруг его шеи.

— Что за способ возвращать пижаму! Ясно как день, что твой друг — совершеннейший невежа.

— Естественно, ему далеко до тебя, — пробормотала Лизетта.

— Что, он умнее меня?

— Конечно, нет.

— Он богат?

— Беден, как мышь.

— Так какого дьявола ты в нем нашла?

— Он молод, — улыбнулась Лизетта.

Сенатор опустил взор к тарелке. Из его глаз выкатилась слеза и капнула в кофе. Лизетта посмотрела на сенатора с доброй улыбкой.

— Мой бедный друг, нельзя же иметь все, — сказала она.

— Я знаю, что я не молод. Но мое положение, мое состояние, наконец, бодрость духа! Я думал, они могут заменить юность. Есть женщины, которым нравятся лишь люди в определенном возрасте. Я знаю знаменитых актрис, которые считают за честь быть подругой министра. Я слишком хорошо воспитан, чтобы упрекать тебя твоим происхождением, но как-никак ты все-таки только манекенщица, а благодаря мне ты живешь в квартире стоимостью в двести тысяч франков в год. Разве это не счастье для тебя?

— Если я дочь бедных, но несчастных родителей, так почему мне нужно стесняться моего происхождения? Раз я скромно зарабатываю себе на жизнь, ты думаешь, что имеешь право укорять меня?

— Ты любишь этого мальчишку?

— Да.

— А меня?

— И тебя тоже. Я люблю вас обоих, но по-разному. Тебя я люблю за твоё положение, за твой ум и знания, за то, что ты так добр и благороден, а его — за то, что у него такие большие глаза и мягкие волосы и он божественно танцует. Все это вполне естественно.

— Ты знаешь, что в моем положении я не могу водить тебя на танцульки, а что до его волос, то, может быть, в моем возрасте у него будет волос еще меньше, чем у меня.

— Может быть, — согласилась Лизетта, подумав при этом, что сейчас это едва ли имеет большое значение.

— А что скажет твоя тетушка, достойнейшая мадам Саладен, когда узнает, что ты натворила?

— Это не будет для нее сюрпризом.

— Ты хочешь сказать, что эта уважаемая женщина одобряет твоё поведение? О tempora, о mores! И давно это продолжается?

— С тех пор, как я работаю в салоне. Он коммивояжер лионской фирмы по производству шелковых тканей. Как-то он приехал к нам с образцами, и мы друг другу приглянулись.

— Но твоя тетушка, она должна была оградить тебя от искушений, которым подвергается в Париже молодая девушка! Она должна была не позволить тебе вступить в связь с этим юношей!

— Я ее не спрашивала.

— Этого достаточно, чтобы свести в гроб твоего старого отца! И как ты не подумала про этого израненного героя, чья верность родине была вознаграждена лицензией на торговлю табачными изделиями? Ты забыла, что как министр внутренних дел я был бы вправе отменить эту лицензию на основании твоего морального разложения!

— Я уверена, что ты благородный человек и не сделаешь такой подлости.

Он не без драматизма взмахнул рукой.

— Не бойся, я не унижусь до такой мелочной мести; из-за беззастенчивного поведения особы, которую мое чувство достоинства велит мне презирать, я не стану обижать ветерана, заслужившего благодарность своей отчизны.

Он продолжал завтракать, Лизетта не произносила ни слова. Когда он насытился, его настроение изменилось. Теперь он чувствовал не столько гнев, сколько жалость к самому себе; плохо понимая женское сердце, он думал вызвать в Лизетте угрызения совести, разжалобив ее.

— Трудно отказаться от привычки, в которую так втянулся, — сказал сенатор. — Мне было так радостно отрывать от

своих дел и проводить с тобой часок-другой. Ты будешь жалеть обо мне, Лизетта?

— Конечно.

Он издал глубокий вздох.

— Никогда бы не подумал, что ты способна на такой обман.

— Вот обман-то тебя и мучит,— задумчиво прошептала Лизетта.— Какие мужчины странные! Они не могут простить, что их одурачили. Все это из-за их самолюбия! Они так много заботятся о пустяках.

— Ты считаешь, что это пустяки, если я застаю тебя за завтраком вместе с молодым человеком, который надел мою пижаму?

— Если бы он был мой муж, а ты мой любовник, ты не увидел бы в этом ничего странного.

— Разумеется. Тогда не он меня, а я бы его обманывал, и моя честь не страдала бы.

— Значит, мне нужно выйти за него замуж, и тогда все будет в порядке.

Сначала он даже как-то не сообразил, о чем она говорит. Когда наконец смысл ее слов дошел до него, сей умный человек быстро и пронизательно взглянул на нее. Он увидел столь нравившийся ему прищур ее прелестных глаз и еле заметную плутватую улыбку алых губ.

— Не забывай, что как член сената я должен быть, согласно традициям республики, оплотом морали и нравственности.

— Это так много для тебя значит?

Он энергично тряхнул своей квадратной бородой.

— Ничуть,— ответил он тоном, который, вероятно, шокировал бы его наиболее консервативных приверженцев.

— А он женится на тебе? — спросил сенатор.

— Еще бы! Он меня обожает. А если я ему скажу, сколько у меня денег на счету, ему больше ничего не будет нужно.

Мосье Лесюр снова взглянул на нее. Когда, разъярясь, он сказал Лизетте о своем намерении положить на ее счет миллион франков, он несколько преувеличивал, желая дать ей понять, как дорого ей обошлась ее измена. Но сенатор был не такой человек, чтобы отступить.

— Это куда больше, чем мог бы надеяться когда-нибудь получить юноша в его положении. Но если он тебя обожает, то он всегда будет около тебя?

— Он же коммивояжер. Он приезжает в Париж только на субботу и воскресенье.

— Да, это, конечно, совсем другой коленкор,— сказал сенатор.— Разумеется, ему будет приятно, если я буду заботиться о тебе в его отсутствие.

— Еще как приятно! — сказала Лизетта.

Она поднялась со стула и пересела на колени к сенатору. Он нежно сжал ее руки.

— Я очень люблю тебя, Лизетта, — сказал он. — Мне бы не хотелось, чтоб ты сделала ошибку. Ты уверена, что будешь с ним счастлива?

— Думаю, что да.

— Требуется сделать необходимые запросы. Я никогда не дам согласие на твой брак с человеком недостаточно нравственным. Ради самих себя мы должны быть абсолютно уверены в этом юноше, прежде чем он войдет в нашу жизнь.

Лизетта не возражала. Она знала, что сенатор любит порядок. Он собрался уходить. Ему предстояло довести свои важные новости до сведения мадам Лесюр и связаться с рядом лиц из парламентской фракции, к которой он принадлежал.

— И еще вот что, — сказал он, нежно попрощавшись с Лизеттой. — Если ты выйдешь замуж, тебе придется бросить работу. Место жены — ее дом, и мои принципы не позволяют мне смотреть сквозь пальцы на то, как замужняя женщина отбивает хлеб насущный у работоспособных мужчин.

Лизетта представила себе, как будет выглядеть рослый молодой человек, который, покачивая бедрами, выйдет на помост, демонстрируя последние модели женского платья, но, уважая принципы мосье Лесюра, промолчала.

Он сделал запросы о личности молодого человека, и полученные сведения вполне удовлетворили его. Свадьба состоялась в воскресенье утром, как только были закончены необходимые формальности. Свидетелями были мосье Лесюр, министр внутренних дел, и мадам Саладен. Жених, стройный молодой человек с прямым носом, томными глазами и гладко причесанными черными волнистыми волосами, скорее походил на теннисиста, чем на коммивояжера фирмы по производству шелковых тканей. Мэр, польщенный присутствием министра внутренних дел, произнес по традиции речь, стараясь быть как можно красноречивее. Сначала он сообщил молодоженам то, что они и без него знали. Он осведомил жениха, что он сын достойных родителей и имеет благородную профессию. Мэр поздравил молодого человека с наложением на себя брачных уз в том возрасте, когда многие юноши думают лишь о суетных развлечениях. Затем мэр напомнил невесте, что ее отец — герой великой войны и что его славные ранения были вознаграждены лицензией на право продажи табачных изделий, а также сообщил ей, что она сама своим трудом обеспечила себе возможность поселиться в одном из наиболее фешенебельных кварталов Парижа, в доме, являвшем собою образец французского вкуса. Питая склонность

к изящной словесности, мэр привел имена великих влюбленных прошлого, а именно Ромео и Джульетты, чей краткий, но узаконенный союз был столь печально прерван в результате ряда огорчительных недоразумений, Поля и Виргинии, которая предпочла обрести смерть в пучине морской, но не принесла в жертву свою скромность и не сняла с себя одежду, и, наконец, Дафниса и Хлои, не вступавших в связь до тех пор, пока они не получили на то соизволения закона. Речь мэра была настолько прочувствованной, что Лизетта не могла удержаться от слез. Затем он воздал должное благородной мадам Саладен, чей пример и чьи наставления оградили ее юную племянницу от опасностей, подстерегающих одинокую и незащищенную девушку в большом городе, и завершил свою речь, поздравив счастливую чету с той великой честью, которую оказал им сам министр внутренних дел, согласившись быть свидетелем на церемонии их бракосочетания. То, что сей генерал промышленности и мудрый кормчий государственного корабля нашел время, чтобы благословить брак лиц столь скромной доли, свидетельствовало, по мнению мэра, об их чистоте и непорочности, а также о наличии в мосье Лесюре великодушия и высокого чувства долга. Действуя таким образом, мосье Лесюр как бы подчеркнул, что он является сторонником браков и это налагает на молодоженов моральное обязательство возможно скорее произвести на свет отпрыска, который будет содействовать могуществу и процветанию прекрасной Франции. Воистину это была замечательная речь.

Свадебный завтрак был сервирован в «Шато-де-Мадрид», это будило в душе мосье Лесюра приятные воспоминания. Выше уже говорилось о том, что министр (как мы теперь должны его называть) имел контрольный пакет автомобильной фирмы. Его свадебным подарком молодой чете была красивая двухместная машина собственного производства, в коей по окончании завтрака молодожены отбыли в свадебное путешествие. Впрочем, это путешествие обещало быть не очень длительным, ибо в начале следующей недели молодому человеку предстояло отбыть по служебным делам в Тулон, Марсель и Ниццу. Лизетта поцеловала свою тетушку и мосье Лесюра.

— Так в понедельник, в пять часов,— прошептала она ему.

— Я буду,— ответил министр.

Молодожены укатили, а мосье Лесюр и мадам Саладен смотрели вслед красивому автомобилю.

— Надеюсь, она с ним будет счастлива,— вздохнула мадам Саладен. Прежде ей не доводилось пить шампанское за завтраком, и она находилась в состоянии необъяснимой меланхолии.

— Если она не будет с ним счастлива, ему придется иметь дело со мной,— энергично заметил мосье Лесюр.

Машина скрылась из виду.

— До свидания, уважаемая мадам. Вы можете сесть на автобус на проспекте Нейи.

Сенатор уселся в свой автомобиль и удовлетворенно вздохнул, думая о государственных делах, ожидавших его внимания. Без всякого сомнения, его положению гораздо больше приличествует то обстоятельство, что его любовница не какая-то манекенщица из салона, а солидная замужняя дама.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Я не люблю ни о чем договариваться заранее. Откуда можно знать за три-четыре недели вперед, что в такой-то день вам захочется пообедать с таким-то лицом? За это время может подвернуться что-нибудь более интересное. А если это вдобавок официальный обед с кучей приглашенных, такая перспектива и вовсе малоприятна. Но что делать? Отказаться? Нужен очень уж благовидный предлог. Вы принимаете приглашение, и вот оно целый месяц висит над вами, подобно мрачной угрозе. Оно нарушает все ваши заботливо вынашиваемые планы, вносит беспорядок в вашу жизнь. Единственный выход — отказаться в последний момент, но именно на это у меня никогда не хватало мужества.

Однажды июньским вечером, около половины девятого, я с чувством легкой досады покинул свой дом на Халфмун-стрит и направился к жившим неподалеку Макдональдам, — они пригласили меня на обед. Макдональды нравились мне. Много лет назад я твердо решил не пользоваться гостеприимством людей, которых не люблю или презираю, и мне пришлось резко сократить количество визитов; по-моему, я остался в выигрыше. Макдональды — очень милые люди, и все же никогда не знаешь, что ждет тебя на их приемах. Они искренне уверены, что если пригласить на обед шесть человек, которым абсолютно не о чем говорить друг с другом, то провал неизбежен, но если устроить это количество и пригласить восемнадцать, вечер пройдет блестяще. Я немного опоздал, что обычно случается, когда живешь рядом и нет смысла брать такси. Когда я вошел, в комнате было уже полно гостей. Я почти никого не знал, и мне стало не по себе от мысли, что придется весь вечер вести мучительную беседу с совершенно незнакомыми людьми. Но тут я с облегчением увидел входящих Уортонов, Томаса и Мери. И вдобавок мне повезло: за столом я оказался рядом с Мери.

Томас Уортон был художником-портретистом и одно время

пользовался немалым успехом, однако он не оправдал надежд, которые подавал в юности, и критики давно перестали принимать его всерьез. Он сколотил неплохое состояние, но на ежегодных выставках частных коллекций в Королевской академии никто больше не задерживался перед его скучными, добросовестными портретами кавалеров, охотящихся на лис, и преуспевающих торговцев. Любой с удовольствием сказал бы что-нибудь приятное о его картинах, потому что сам он был человеком милым и добрым: если вы, скажем, писатель, то все, что вы пишете, приводит его в искренний восторг; вам самому хочется с должной теплотой отзываться о его работе, но это, увы, невозможно. Единственное, что вам остается,— это воскликнуть: «По-моему, вы достигли удивительного сродства!»

Мери Уортон, в свое время известная камерная певица, еще и сейчас сохранила красивый голос. В молодости она, наверно, была очень красива. Теперь, в пятьдесят три года, она выглядела усталой, черты лица утратили женственность, кожа покрылась морщинами, но коротко стриженные седые волосы все еще густы и вьются, а прекрасные глаза светятся умом. Одевалась она всегда не столько модно, сколько ярко и питала явную слабость к бусам и причудливым серьгам. Она славилась прямой суждений, была остра на язык и обладала особым умением мгновенно распознавать человеческую глупость. Многие не любили ее, но никто не мог отказать ей в уме. Она была великолепным музыкантом, большой любительницей литературы и страстно увлекалась живописью. Природа наделила ее редкой интуицией. Ей нравилось все современное, но опять-таки не из-за моды, а потому что оно действительно отвечало ее вкусу. Она за гроши покупала картины неизвестных авторов, которые потом становились знаменитыми. В ее доме звучала новейшая и самая трудная музыка. Стоит какому-нибудь поэту или романисту Европы опубликовать нечто новое и необычное — и она уже готова взять его под защиту и дать отпор филистерам. Вы можете сказать, что она гордится своей ученостью. Что ж, вы правы, но вкус ее безупречен, суждения здравы, а энтузиазм неподделен.

Никто не восхищался ею больше, чем Томас Уортон. Он влюбился в нее, когда она была еще певицей, и без конца умолял выйти за него замуж. Она десяток раз отказывала ему и согласилась, я думаю, не без колебаний. Она рассчитывала, что Томас станет великим художником, и сочла себя обманутой, когда оказалось, что он всего лишь добросовестный ремесленник, лишенный индивидуальности и воображения. Ее оскорбляло презрение, с каким знатоки на него смотрели. Томас Уортон любил жену. Больше всего на свете он ценил ее мнение и предпочитал одно слово ее одобрения десятку хвалебных отзывов в лондон-

ских газетах. Но она была слишком честным человеком, чтобы говорить то, чего не думала. Томас очень переживал, что она так мало ценит его работы, и, хотя превращал ее замечания в шутку, чувствовалось, что в душе он обижен. Иногда его вытянутая лошадиная физиономия становилась пунцовой от еле сдерживаемого гнева, а глаза темнели от ненависти. Друзья прекрасно знали, что супруги жили неважно. У них была неприятная манера пререкаться на людях. Впрочем, Уортон при посторонних говорил о Мери только с восхищением, но она была менее сдержанной, и ее наперсники знали, до чего он ее раздражает. Мери признавала его доброту, щедрость, бескорыстие, но с его недостатками трудно было мириться, потому что он был человеком ограниченным, самодовольным и любящим спорить. Он не был художником, а для Мери искусство было превыше всего. В этом вопросе она не шла ни на какие компромиссы. Она была настолько ослеплена, что не понимала: многие недостатки Уортона, так раздражавшие ее, проистекали в основном от обиды. Она постоянно оскорбляла его, а он становился догматичным и нетерпимым. Нет ничего хуже презрения человека, одобрение которого для тебя значит все на свете. Несмотря на несносный характер, Томаса трудно было не пожалеть. Впрочем, если у вас сложилось мнение, что Мери — женщина немного надоедливая, всем недовольная и с большими претензиями, значит, я был несправедлив к ней. Она преданный друг и отличный собеседник. С ней можно говорить на любую тему. Ее высказывания всегда остроумны и полны юмора, к тому же она женщина на редкость живая.

Сейчас она сидела слева от хозяина, и беседа вокруг нее была общей. Я был занят разговором с соседом по дому, но по смеху, которым встречали ее остроты, понял, что сегодня она на высоте. Если она бывала в ударе, никто не мог с ней соперничать.

— Вы сегодня неотразимы, — заметил я, когда она наконец ко мне повернулась.

— Вы удивлены?

— Нет, другого я и не ожидал. Естественно, что все наперебой стараются пригласить вас к себе. У вас неоценимый дар вносить во все свежую струю.

— Стараюсь изо всех сил заработать свой обед.

— Да, кстати, как поживает Мэнсон? Кто-то сказал мне на днях, что он лег на операцию. Надеюсь, ничего серьезного?

Мери на мгновение замялась, но продолжала все так же лунчезарно улыбаться.

— Разве вы не видели вечерних газет?

— Нет. Я играл в гольф. Я едва успел прибежать домой, вскочить в ванну и переодеться.

— Он умер сегодня в два часа дня.

Я был поражен и чуть не вскрикнул от ужаса, но она остановила меня.

— Будьте осторожны: Том следит за мной, как рысь. Они все с меня глаз не спускают. Известно, что я его обожала, но никто толком не знает, был ли он моим любовником, даже Том не знает; вот они и хотят посмотреть, как я буду реагировать. Попробуйте уж сделать вид, что вы говорили о русском балете.

Тут к ней обратился кто-то сидевший напротив. Привычным движением откинув назад голову, она ответила так быстро и находчиво, что все кругом рассмеялись. Разговор опять стал общим, я же остался сидеть в полной растерянности.

Я, как и все, знал, что вот уже двадцать пять лет между Джерардом Мэнсоном и Мери Уортон существует страстная привязанность. Все это длилось так давно, что самые пуритански настроенные друзья стали снисходительны. Оба они были немолоды: Мэнсон шестьдесят, Мери немногим меньше — смешно было бы им в таком возрасте не делать того, что хочется. Иногда их видели вместе в тихом уголке какого-нибудь малопосещаемого ресторана или в аллеях зоологического сада. Удивительно, почему они все еще старались скрыть то, что в конце концов никого не касалось и было их личным делом? Правда, не следует забывать о Томасе. Он до безумия ревновал Мери. Он устраивал ей дикие сцены и наконец после одного из бурных объяснений заставил ее дать слово не видеться больше с Мэнсоном. Все это произошло совсем недавно. Конечно, она нарушила обещание, но старалась не давать Томасу повода убедиться в этом наверняка.

Я думаю, что, как ни трудно было с Томасом, Мери в конце концов смирилась бы с его посредственностью, если бы общение с Мэнсоном не растравляло все время ее недовольство. Разница между заурядностью мужа и блеском ума любовника была уж слишком разительной.

— С Томом я чувствую себя так, как будто меня заперли в душной комнате, заставленной пыльными безделушками, — говорила она мне. — С Джерардом я дышу чистым воздухом горных вершин.

«Неужели женщина может влюбиться только в ум мужчины? — спрашивал я себя, пытаюсь разобраться в вопросе теоретически. — Ибо что еще есть в Джерарде?»

Что до меня — я не видел в нем больше ничего. Но женщины — странный народ, и я готов поверить, что Мери находила в нем обаяние и физическую привлекательность, которых боль-

шинство не замечало. Это был маленький, высохший человечек с бледным, умным лицом, поблекшими голубыми глазами за стеклами очков и громадной, точно купол, блестящей лысой головой. Он совсем не был похож на романтического любовника. Зато он был очень тонкий критик и талантливый очеркист. Меня возмущало его презрительное отношение к английским писателям, которые не успели благополучно скончаться; этим он создавал себе авторитет в глазах интеллигенции, которая всегда готова поверить, что в ее собственной стране не может быть создано ничего хорошего; его влияние на интеллигенцию было огромно. Как-то пришлось к слову, и я сказал Мэнсону, что достаточно подсунуть ему какую-нибудь банальность на французском языке и выдать ее за эпиграмму, как он тотчас же воспользуется ею в каком-нибудь очерке как своей собственной. Самое неприятное, что в общем-то никто не мог отрицать: сам он был блестящим писателем. Утонченный стилист и человек громадной эрудиции, он умел оставаться глубоким без помпезности, занимательным без фривольности, а фразы его, всегда отточенные, не казались при этом нарочитыми. Его очерки становились маленькими шедеврами. Лично я не считал его приятным собеседником. Может быть, мне не удалось обнаружить лучших его сторон. Хотя я и знал его давно, я ни разу не слышал от него ничего смешного. Он был человеком неразговорчивым, но если уж что говорил, то совершенно безапелляционно. Перспектива провести с ним вечер наедине наводила на меня уныние. Для меня всегда было загадкой, как этот скучный, манерный человечек может писать так изящно, живо и остроумно. Но куда загадочней было то, что такая красивая и веселая женщина, как Мери Уортон, может питать к нему столь всепоглощающую страсть. Впрочем, тайлось в этом странном, вспыльчивом, трудном человеке нечто, притягивавшее женщин. Жена боготворила его. Эта полная, неряшливая, надоедливая особа создала ему собачью жизнь, но ни за что не хотела дать свободу. Она клялась покончить с собой, если он оставит ее, и эта истеричка вполне могла привести свою угрозу в исполнение.

Как-то раз мы пили с Мери чай, и я заметил, что она нервничает и очень расстроена. Когда я спросил ее, в чем дело, она расплакалась. Незадолго до этого она завтракала с Мэнсоном, его совершенно подавила ужасная сцена, устроенная женой.

— Больше так не может продолжаться, — всхлипывала Мери. — Он просто губит себя. Мы оба себя губим.

— Почему вы не сделаете решительный шаг?

— Что вы имеете в виду?

— Вы так давно любите друг друга, вам известно все хорошее и плохое о каждом из вас; вы стареете, вам уже не так

долго осталось жить. Просто жалко, что вы растрчиваете любовь, выдержавшую такое длительное испытание. Да и какой толк в этом миссис Мэнсон или Тому? Неужели они счастливы оттого, что несчастны вы?

— Нет.

— Тогда почему вы не бросите все и не уедете куда-нибудь вместе? А там — будь что будет.

Мери покачала головой.

— Мы несчетное количество раз обсуждали этот вопрос. Мы говорим об этом уже четверть века. Это невозможно. Вначале Джерард не мог пойти на это из-за дочерей. Миссис Мэнсон, наверно, очень любящая мать, но очень плохая. Кроме Джерарда, некому было заняться их воспитанием. А теперь, когда они вышли замуж, сказывается привычка. Что же нам делать? Поехать во Францию или Италию? Я не могу вырвать его из привычной обстановки. Он будет несчастен. Он слишком стар, чтобы начинать все сначала. А кроме того, хоть Томас и изводит меня и устраивает сцены и мы действуем друг другу на нервы, он любит меня. Когда доходит до дела, у меня не хватает духу бросить его. Он пропадет без меня.

— Да, положение безвыходное. Мне очень жаль вас.

Осунувшееся, усталое лицо Мери неожиданно осветилось улыбкой, растянувшей ее большой красный рот; ей-богу, она была прекрасна в это мгновение.

— Не жальте меня. Мне было очень скверно, но теперь я выплакалась как следует и чувствую себя гораздо лучше. Несмотря на все горе, все несчастья, которые принесла мне эта любовь, я ни за что на свете не отказалась бы от нее. За те несколько мгновений восторга, которые она дала мне, я готова опять прожить всю свою жизнь.

Я был тронут.

— Не сомневаюсь в этом, — сказал я. — Это настоящая любовь.

— Да, это любовь, и мы должны пронести ее до конца. Другого выхода нет.

И вот теперь неожиданно наступила трагическая развязка. Я слегка повернулся, чтобы взглянуть на Мери; почувствовав мой взгляд, она тоже повернулась. Рот ее улыбался.

— Почему вы пришли сегодня? Ведь это ужасно для вас.

Она пожала плечами.

— Что я могла сделать? Я узнала об этом из вечерней газеты, когда одевалась. Он просил меня не звонить в больницу из-за жены. Для меня все кончено — это смерть. Я вынуждена была прийти. Нас пригласили еще месяц тому назад. Что я мог-

ла сказать Тому? Считается, что я два года не видела его. Вы знаете, что мы двадцать лет ежедневно писали друг другу?

Нижняя губа ее слегка задрожала, и на мгновение ее лицо изказила странная гримаса, потом она взяла себя в руки и опять улыбнулась.

— Он был для меня всем на свете, но я не могла не пойти на обед. Разве я могла? Он всегда говорил, что меня слишком заботит общественное мнение.

— К счастью, все кончится рано, и вы сможете поехать домой.

— Я не хочу идти домой. Я не хочу быть одна. Я не могу плакать, потому что глаза мои станут красными и распухшими, а завтра у нас приглашено много народу на ленч. Кстати, вы приедете? Я хочу, чтобы пришло больше народу. Я должна быть в хорошей форме. Том надеется получить заказ на портрет.

— Клянусь богом, вы держитесь прекрасно.

— Правда? Я убита горем, вы же знаете. Мне легче владеть собой, потому что я знаю: Джерард хотел бы, чтобы я делала вид, будто ничего не произошло. Он бы оценил иронию положения. Он всегда говорил, что французские новеллисты великолепно описывают подобные ситуации.

ОЖЕРЕЛЬЕ

— Мне повезло, что я оказалась рядом с вами,— сказала Лаура, когда мы сели за стол.

— Мне тоже,— ответил я вежливо.

— Ну, это мы еще посмотрим. А я действительно очень хотела поговорить с вами. У меня есть что рассказать вам. Мне стало немного не по себе.

— Давайте лучше поговорим о вас,— ответил я,— или уж в крайнем случае обо мне.

— Все-таки я должна рассказать вам эту историю. Помогите, вы сможете использовать ее.

— Ну что же, должны так должны. Но давайте сначала посмотрим меню.

— Вы не хотите, чтобы я рассказывала? Мне казалось, это доставит вам удовольствие.

— Несомненно. Вам бы следовало написать пьесу и прочесть ее мне.

— То, о чем я хочу рассказать, произошло с одной из моих приятельниц. Все это абсолютная правда.

— Это еще ни о чем не говорит. Самые достоверные истории — это как раз истории выдуманные.

— Что вы имеете в виду?

— Ничего особенного. Просто хорошо звучит.

— Я бы хотела, чтобы вы позволили мне начать.

— Ну, ладно. Рассказывайте вашу историю и забудем о еде, пока не подадут рыбу.

— Хорошо. Я сама была свидетельницей случившегося. Я обедала у Ливингстонов. Вы знаете их?

— Нет. По-моему, нет.

— Так вот спросите их самих, и они подтвердят каждое мое слово. Они пригласили на обед свою гувернантку, потому что одна из женщин в последний момент отказалась прийти — вы знаете, как люди легкомысленны, — и за столом было бы тринадцать человек. Гувернанткой у них была мисс Робинсон — очень приятная молодая девушка лет двадцати и весьма хорошенькая. Я сама никогда не взяла бы молодую и хорошенькую гувернантку. Кто знает, что может произойти!

— Надо всегда надеяться на лучшее.

Лаура пропустила замечание мимо ушей.

— Обычно они думают не столько о своих обязанностях, сколько о молодых людях; только она начнет привыкать к вашим требованиям, как смотришь, уже собирается замуж. Но у мисс Робинсон были отличные рекомендации, и, надо признать, она была очень приятной, вполне достойной уважения особой. Кажется, дочь священника.

На обеде присутствовал человек, о котором вы наверняка ничего не слыхали, но в некотором отношении он прямо знаменитость. Это граф Борселли — лучший в мире знаток драгоценностей. Он сидел рядом с Мэри Лингейт, очень гордившейся своим жемчужным ожерельем; в ходе разговора она спросила, как оно ему нравится. Он сказал, что оно очень симпатичное. Она обиделась и заявила, что ожерелье стоит восемь тысяч фунтов.

«Да, оно стоит этих денег», — ответил он.

Мисс Робинсон сидела напротив. Она выглядела очень мило в тот вечер. Я, конечно, узнала ее платье — старое платье Софи, но если не знать, что мисс Робинсон — гувернантка, вам и в голову это не придет.

«Посмотрите, какое красивое ожерелье на той молодой девушке», — произнес Борселли.

«Так это же гувернантка миссис Ливингстон», — ответила Мэри Лингейт.

«Ничего не могу поделать. Для жемчуга такого размера это

самое красивое ожерелье, какое мне когда-либо приходилось видеть. Оно должно стоить пятьдесят тысяч фунтов».

«Глупости».

«Даю честное слово».

Мэри Лингейт наклонилась вперед. У нее был довольно резкий голос.

«Мисс Робинсон, вы знаете, что говорит граф Борселли? — воскликнула она. — Он говорит, что ваше ожерелье стоит пятьдесят тысяч фунтов».

Как раз в это время разговор умолк, и все слышали вопрос. Они повернулись и стали смотреть на мисс Робинсон. Она слегка покраснела и рассмеялась:

«В таком случае я сделала очень выгодную покупку, потому что заплатила за него пятнадцать шиллингов».

«Так оно и есть», — сказала Мэри Лингейт.

Все засмеялись. Это было ужасно глупо. Кто не слышал, что женщины подсовывают мужьям настоящий и дорогой жемчуг, выдавая его за фальшивый? Это старо, как мир.

— Спасибо, — прервал я Лауру. Мне захотелось самому сказать что-нибудь.

— Смешно думать, что гувернантка осталась бы гувернанткой, если бы у нее было ожерелье, стоящее пятьдесят тысяч фунтов. Ясно, что граф ошибся. И тут случилось нечто неожиданное. Вмешалась всемогущая рука случая.

— А не следовало бы, — заметил я. — Будет слишком много хлопот. Вам не попадалась очаровательная книга, которая называется «Словарь английских обычаев»?

— Я бы предпочла, чтобы вы не перебивали меня, когда я подхожу к самому интересному.

Но я вынужден был сделать это еще раз, потому что именно в этот момент слева от меня неожиданно появилась копченая лососина.

— Божественный обед, — сказал я.

— А от лососины полнеют? — спросила Лаура.

— Очень, — сказал я и положил себе изрядную порцию.

— Я пас, — произнесла Лаура.

— Продолжайте, — попросил я. — Итак, вмешалась всемогущая рука случая.

— В этот самый момент лакей подошел к мисс Робинсон и что-то прошептал ей на ухо. Мне показалось, что она немного побледнела. Как плохо, когда не пользуешься румянами, никогда не знаешь, какую шутку сыграет с тобой природа. Конечно, она была испугана.

«Миссис Ливингстон, Даусон говорит, что в вестибюле двое и спрашивают меня».

«Я думаю, вам лучше пойти»,— ответила Софи Ливингстон. Мисс Робинсон встала и вышла. Мы все наверняка подумали одно и то же, но я сказала первая:

«Надеюсь, они не явились, чтобы арестовать ее. Для вас это будет ужасно, моя дорогая».

«Вы уверены, что ожерелье настоящее, Борселли?» — спросила она.

«Абсолютно уверен».

«Вряд ли у нее хватило бы нахальства надеть его сегодня, если бы оно было краденое»,— вмешалась я.

Даже под слоем косметики видно было, что Софи Ливингстон побледнела как смерть, и я сразу поняла, что она подумала, все ли цело в шкатулке с драгоценностями. На мне была небольшая ниточка алмазов, но я инстинктивно дотронулась до нее, чтобы проверить, там ли они

«Не говорите глупостей»,— сказала миссис Ливингстон.— Подумайте только, где она могла стащить такое дорогое ожерелье?»

«Может быть, она укрывает краденое»,— сказала я.

«Не может быть: у нее такие блестящие рекомендации».

«Так всегда и бывает»,— ответила я.

Мне пришлось еще раз перебить Лауру. Я сказал:

— Вы были не слишком оптимистически настроены.

— Разумеется, я не могла сказать ничего плохого о мисс Робинсон. У меня были все основания считать ее весьма симпатичной девушкой. Это была бы сенсация, если бы она оказалась профессиональной воровкой или известным членом банды международных мошенников.

— Совсем как в кино. Боюсь, что такие вещи бывают только в фильмах.

— Итак, мы ждали, затаив дыхание. Никто не проронил ни слова. Я ожидала услышать шум драки или по крайней мере приглушенный крик. Молчание казалось мне зловещим. Но тут открылась дверь, и вошла мисс Робинсон. Я сразу заметила, что на ней не было ожерелья. Она была бледна и взволнована. Она подошла к столу, села и, улыбаясь, бросила...

— Куда?

— На стол, как вы недогадливы, ожерелье.

«Вот мое ожерелье»,— сказала она.

Граф Борселли подался вперед.

«Но это же фальшивое!» — воскликнул он.

«Я же вам говорила»,— со смехом ответила она.

«Это совсем не то ожерелье, которое было на вас несколько минут тому назад».

Она покачала головой и загадочно улыбнулась. Мы все были заинтригованы. Не думаю, чтобы Софи Ливингстон слишком обрадовалась, когда ее гувернантка стала центром внимания. Подозрительно сладким тоном Софи попросила объяснить, в чем дело. Тогда мисс Робинсон рассказала, что застала в вестибюле двоих из магазина Джеррота. Там она и купила за пятнадцать шиллингов свои бусы, но вернула их обратно, потому что у них был испорчен замок — это она обнаружила только сегодня днем. Эти двое из магазина сказали, что им принесли чинить настоящее жемчужное ожерелье и продавец, перепутав, отдал его ей. Не могу себе представить, что можно быть такой душой — отдать Джерроту ценную вещь. Они даже не в состоянии отличить настоящий жемчуг от поддельного; впрочем, вы знаете, как женщины беспечны. Так или иначе на мисс Робинсон действительно было ожерелье, стоящее пятьдесят тысяч фунтов. Ей ничего не оставалось, как вернуть ожерелье, хоть, видно, и было очень жаль; взамен она получила свое. Те двое сказали, что не чувствуют себя ни в коей мере обязанными — вы ведь знаете, как мужчины бывают глупы и напыщенны, когда пытаются принять деловой вид, — но им поручено передать ей в качестве компенсации (или называйте это как хотите) чек на триста фунтов. Мисс Робинсон в самом деле показала нам чек. Она была очень довольна.

— Ей крайне повезло, не так ли?

— Как сказать. Оказалось, что это погубило ее.

— Да что вы? Каким образом?

— Уходя в отпуск, она сказала Софи Ливингстон, что намерена поехать в Довиль и потратить там все деньги. Разумеется, Софи попыталась отговорить ее и убеждала положить деньги в банк, но та и слышать не хотела. Она сказала, что у нее никогда не было подобного случая и что он никогда ей больше не представится, поэтому она хочет хоть раз в жизни пожить, как герцогиня. Софи ничего не смогла поделать и махнула рукой. Она продала ей все надоевшие платья, которые носила целый сезон; она уверяет, что подарила ей их, но я сильно сомневаюсь в этом. Итак, мисс Робинсон совершенно одна отправилась в Довиль. И что, вы думаете, там произошло?

— Понятия не имею. Думаю, она пожила в свое удовольствие.

— Так вот, за неделю до возвращения она написала Софи, что планы ее изменились, что она собирается сменить специальность и надеется, что миссис Ливингстон простит ее, если она не вернется. Полагаю, вы понимаете: Софи была в бешенстве. На самом же деле мисс Робинсон подцепила богатого аргентинца и уехала с ним в Париж. Она и сейчас там. Я сама видела ее

у Флоранса с руками, чуть не до локтей унизанными браслетами, и с бесчисленными рядами жемчуга на шее. Конечно, я сделала вид, что не узнаю ее. Говорят, у нее дом в Булонском лесу и «роллс-ройс». Через несколько месяцев она бросила аргентинца и связалась с каким-то греком. Не знаю, с кем она сейчас, но, бесспорно, она самая фешенебельная кокетка Парижа.

— Когда вы сказали, что она погубила себя, я думаю, вы использовали это выражение чисто символически.

— Не знаю, что вы имеете в виду, но вам не кажется, что вы могли бы написать рассказ об этом?

— К сожалению, я уже написал рассказ о жемчужном ожерелье. Нельзя же без конца писать о жемчужных ожерельях.

— Я уж совсем было собралась сама написать. Разумеется, я изменила бы конец.

— Чем же вы кончили бы?

— Я бы обручила ее с банковским служащим, очень пострадавшим во время войны — ну, скажем, с одной ногой или искалеченным лицом; они были бы так бедны, что у них не было бы никакой надежды пожениться в ближайшие годы. Он бы откладывал все сбережения, чтобы купить маленький домик в пригороде. Они поженятся, когда будет сделан последний взнос, и тут она принесет ему свои триста фунтов. Они не могут поверить в свалившееся на них счастье; он плачет на ее плече, как ребенок. Они живут в маленьком домике в пригороде со своей старой матерью. Он каждый день ходит на работу в банк, а она сможет быть гувернанткой, если ей удастся не иметь детей. Рана часто будет мучить его, и она будет за ним ухаживать. Все это так возвышенно, чисто, красиво.

— По-моему, очень скучно,— рискнул я заметить.

— Зато нравоучительно,— ответила Лаура.

РУКА ДРУГА

Вот уже тридцать лет я изучаю своих собратьев и, надо сказать, узнал не так уж много. Разумеется, я не рискнул бы нанять слугу только по внешнему виду, и все-таки я убежден, что в большинстве случаев мы судим о людях именно по внешним данным. Мы смотрим на строение челюсти, выражение глаз, очертание рта. Интересно, как часто мы ошибаемся? Почему романы и пьесы порой так далеки от жизни? Да потому, что их авторы воплощают в своих героях какую-нибудь одну черту характера. Они не решаются наделить их внутренними противоречиями, ибо такого героя невозможно будет понять, а ведь на самом

деле большинство из нас состоит именно из противоречий. Мы представляем собой клубок случайных, несовместимых качеств. В учебниках логики говорится: абсурдно заявить, будто «желтое» имеет цилиндрическую форму, а благодарность тяжелее воздуха; но именно в этом сборище нелепостей, составляющем наше я, «желтое» может быть и лошадью, и телегой, и благодарностью в середине следующей недели. Обычно я пожимаю плечами, когда люди уверяют, что их первое впечатление о человеке всегда правильно. По-моему, они не очень-то проникательны или слишком тщеславны. Что касается меня самого, то я понял: чем дольше я знаю человека, тем большую загадку он для меня представляет. Мои самые старые друзья — это люди, о которых я не знаю самых элементарных вещей.

Все эти соображения пришли мне в голову, когда я прочел в сегодняшней утренней газете, что Эдвард Бартон умер в Кобе. Он был торговцем и много лет жил в Японии. Я плохо его знал, но сообщение заинтересовало меня, ибо однажды он меня очень удивил. Не услышь я эту историю от него самого, никогда бы не поверил, что он способен на такой поступок. Я был тем более поражен, что ни по внешнему виду, ни по манере вести себя он не являл собою ничего загадочного — как раз тот редкий случай, когда о ком-то можно сказать: «Цельная натура», — если вообще такие натуры бывают на свете. Перед вами был крошечный человечек, ростом не более пяти с половиной футов, стройный, с седыми волосами, с красным, изрезанным морщинами лицом и голубыми глазами. Когда мы познакомились, ему было, наверно, за шестьдесят. Одет он был всегда очень аккуратно и неброско, в соответствии со своим возрастом и положением.

Контора его находилась в Кобе, но он часто приезжал в Иокогаму. Однажды мне пришлось провести там несколько дней в ожидании корабля, и я был представлен ему в Английском клубе. Мы вместе играли в бридж. Играл он хорошо и делал большие ставки. Зато говорил мало — и во время игры и потом, когда принесли напитки; впрочем, что бы он ни сказал, это было сказано умно. Шутил он спокойно, невозмутимым тоном. Чувствовалось, что его любят в клубе; позже, когда он ушел, мне сказали, что его считают одним из лучших членов клуба. Оказалось, что мы оба остановились в Гранд-отеле, и на следующий день он пригласил меня вместе пообедать. Я познакомился с его женой — полной, пожилой, улыбающейся женщиной — и двумя дочерьми. По всей видимости, это была дружная, любящая семья. Помнится, больше всего меня поразила в Бартоне его доброта. Было что-то очень привлекательное в его кротких голубых глазах. Голос у него был тихий (невозможно себе представить, чтобы, рассердившись, он когда-нибудь повысил голос), а улыбка

мягкой. Этот человек привлекал вас, потому что в нем чувствовалась настоящая любовь к людям. У него было бесспорное обаяние, но без тени сентиментальности: он любил карты, коктейли, мог со вкусом рассказать пикантный анекдот. Говорят, что в молодости он был настоящим атлетом. Бартон был богатым человеком и каждый пенни заработал собственным трудом. Я думаю, он нравился и потому, что был таким маленьким и хрупким, это пробуждало в вас чувство покровительства. Вы понимали, что он и мухи не обидит.

Однажды днем я сидел в комнате отдыха Гранд-отеля. Из окна открывался вид почти на весь порт с его многочисленными судами. Стояли там громадные лайнеры, направляющиеся в Ванкувер, Сан-Франциско или в Европу—через Шанхай, Гонконг и Сингапур; тут же были грузовые суда всех наций, облупленные, потрепанные бурями, и джонки с высокими бортами и большими яркими парусами, и бесчисленные сампаны. Уж не знаю почему, но эта оживленная картина труда действовала на меня успокаивающе. В ней была какая-то романтика, и, казалось, достаточно протянуть руку, чтобы прикоснуться к ней.

Вскоре в комнату вошел Бартон и, заметив меня, сел рядом.

«Что вы скажете, если немного выпить?»

Он хлопнул в ладоши, подзывая боя, и заказал два джина. Когда бой принес джин, по улице мимо окна прошел человек и, заметив меня, помахал рукой.

«Вы знаете Турнера?» — спросил Бартон, увидев, что я кивнул в ответ.

«Я познакомился с ним в клубе. Говорят, он эмигрант».

«По-моему, да. Их много здесь».

«Он хорошо играет в бридж».

«Эмигранты обычно хорошо играют. В прошлом году здесь был один парень, оказавшийся моим однофамильцем; так вот, он был лучшим игроком в бридж, какого мне когда-либо приходилось встречать. Вряд ли вы слышали о нем в Лондоне. Он называл себя Ленни Бартон. Должно быть, он был членом какого-нибудь известного клуба».

«Да, я что-то не припомню такой фамилии».

«Это был замечательный игрок. По-видимому, он обладал особой интуицией. Прямо что-то сверхъестественное. Мне много приходилось играть с ним. Он некоторое время жил в Кобе».

Бартон принялся медленно потягивать джин.

«Забавная была история,— продолжал он.— Этот Ленни Бартон был неплохим малым. Мне он нравился. Он всегда был хорошо одет и даже выглядел щеголеватым. Его можно было назвать красивым — выходящие волосы, яркий цвет лица. Женщины любили его. Безобидный парень, просто несколько необуз-

данный. Разумеется, он много пил. Такие всегда много пьют. Раз в квартал на его имя приходило немного денег, остальные он добывал игрой в карты. Ему немало перепало и моих денег, я знаю это».

Бартон добродушно усмехнулся. Я знал по собственному опыту, что он умел проигрывать с самым любезным видом. Тонкой рукой он погладил подбородок; рука была вся в проступивших венах и казалась почти прозрачной.

«Вероятно, поэтому он и пришел ко мне, когда разорился, а еще потому, что я был его однофамильцем. Однажды он явился ко мне в контору и попросил работу. Я очень удивился. Он сказал, что перестал получать деньги из дому и хочет найти работу. Я спросил, сколько ему лет».

«Тридцать пять»,— ответил он.

«А что вы делали до сих пор?» — спросил я.

«Ничего конкретного»,— сказал он.

Я не мог удержаться от смеха.

«Боюсь, что не смогу ничего для вас сделать сейчас,— ответил я.— Приходите ко мне еще через тридцать пять лет, тогда посмотрим».

Он даже не шевельнулся. Он был очень бледен. После минутного колебания он сказал, что с некоторых пор ему перестало везти в карты, что у него нет ни пени и что он заложил все. У него нечем было оплатить счет за гостиницу, а кредит ему больше не предоставляли. Он дошел до предела. Он сказал, что если не сумеет найти работу, то покончит с собой.

Я внимательно посмотрел на него. Теперь я видел, что он вконец измучен. Он пил больше, чем обычно, и выглядел на все пятьдесят. Женщины не столько бы думали о нем, если бы могли его сейчас увидеть.

«Ну хорошо, неужели вы ничего не умеете, кроме как играть в карты?» — спросил я.

«Я умею плавать»,— сказал он.

«Плавать?»

Я едва поверил своим ушам, настолько безумным показался мне ответ.

«Я плавал за свой университет».

Тут я понял, к чему он клонит. Я знал слишком многих людей, которые были божками у себя в университетах, и это не произвело на меня никакого впечатления.

«Я сам был отличным пловцом в молодости»,— сказал я.

Вдруг мне пришла в голову идея.

Прервав свой рассказ, Бартон повернулся ко мне:

— Вы хорошо знаете Кобе?

— Нет. Однажды я был в Кобе проездом, но провел там всего одну ночь.

— Тогда вы не знаете клуб Шиойя. Когда я был молодым, я плыл от самого клуба, потом огибал маяк и выходил в бухте Таруми. Это больше трех миль, и плыть там очень трудно из-за течений около маяка. Так вот, я сказал своему однофамильцу, что, если он там сумеет проплыть, я дам ему работу.

Я видел, что он растерялся.

«Вы же сказали, что вы пловец»,— произнес я.

«Я не в очень хорошей форме»,— последовал ответ.

Я промолчал, только пожал плечами. С минуту он смотрел на меня, потом кивнул.

«Хорошо,— проговорил он.— Когда вы хотите, чтобы я сделал это?»

Я посмотрел на часы: было начало одиннадцатого.

«Плавание не должно занять у вас больше часа с четвертью. Я объеду вокруг бухты и встречу вас в половине первого. Я отвезу вас обратно в клуб, вы оденетесь, и мы вместе пообедаем».

«Идет»,— сказал он.

Мы пожали друг другу руки. Я пожелал ему удачи, и он ушел. В это утро у меня было много работы, и я еле успел в бухту Таруми к половине первого. Я мог не торопиться. Он не появился.

— А что, он струсил в последний момент?

— Нет, он не струсил. Он поплыл, как мы и договорились. Но, конечно, здоровье его было подорвано алкоголем и беспутным образом жизни. Он не справился с течением вокруг маяка. Мы три дня не могли найти его тело.

Несколько минут я сидел молча. Я был потрясен. Потом спросил Бартона:

— Скажите, когда вы предлагали ему работу, вы знали, что он утонет?

Он тихо рассмеялся и посмотрел на меня своими добрыми, честными голубыми глазами. Потом потер рукой подбородок.

— Что же, тогда у меня не было свободного места в конторе.

СОКРОВИЩЕ

Ричард Харенгер был счастливым человеком. Что бы там ни говорили современные еkkлeзиасты, не так уж трудно найти счастливого человека в нашем несчастливом мире; но Ричард Харенгер знал, что он счастлив, а это действительно редкая

вещь. Золотая середина, которую так ценили древние, теперь не в моде, и тот, кто придерживается ее, вынужден, вежливо усмехаясь, мириться с теми, кто не видит никакого толка в воздержании и не считает здравый смысл добродетелью. Ричард Харенгер благовоспитанно и насмешливо пожимал плечами. Пусть другие подвергаются опасностям, горят священным огнем, рискуют всем своим состоянием, играя в карты, ходят по канату, ведущему к славе или к могиле, или ставят на карту свою жизнь из-за какого-нибудь дела, страсти или похождения. Он не завидовал славе, которую приносят их подвиги, и не тратил попусту жалость, когда их усилия кончались крахом.

Однако из этого не следует делать вывод, что Ричард Харенгер был бессердечным эгоистом. Совсем наоборот. В общем, это был человек деликатный и довольно щедрый. Он всегда был готов прийти на помощь другу; он был достаточно хорошо устроен и мог доставить себе удовольствие помочь близкому. У него было небольшое состояние, а кроме того, он занимал солидное положение в министерстве внутренних дел. Работа его была как раз по нему — регулярная, ответственная и приятная. После работы он шел в клуб и пару часов играл в бридж, а по субботам и воскресеньям — в гольф. В отпуск он ездил за границу, останавливался в хороших гостиницах, посещал церкви, картинные галереи и музеи. Он был постоянным посетителем театральных премьер и обедал чаще всего не дома. Друзья любили его. Он был прекрасным собеседником — начитанным, эрудированным, веселым. Внешность он имел представительную — не слишком красив, зато высок, строен, с тонким, интеллигентным лицом. Волосы его начинали редеть, ведь ему уже было около пятидесяти, но коричневые глаза сохранили блеск, а зубы были все свои. У него от природы было хорошее здоровье, и он все время о нем заботился. Он не имел решительно никаких причин не быть счастливым. Если и чувствовалось за всем этим некоторое самодовольство, на то были все основания. Ему удалось благополучно проплыть опасный и бурный пролив, именуемый женьбой, где так много мудрых и хороших людей потерпело кораблекрушение. Женившись по любви в возрасте немногим старше двадцати, он несколько лет был безоблачно счастлив; потом постепенно наступило охлаждение. Никто из них не собирався связывать себя новыми брачными узами, поэтому вопрос о разводе не стоял (что было бы весьма нежелательно для его карьеры государственного служащего); они разделили имущество с помощью домашнего адвоката, и это позволило им жить по своему усмотрению, не мешая друг другу. Расставаясь, оба проявили взаимное уважение и доброжелательность.

Ричард Харенгер продал дом в Сент-Джон-Вуде и снял квартиру неподалеку от Уайтхолла, чтобы можно было ходить пешком. В квартире была гостиная, куда он поставил свои книги, столовая, к которой весьма подошел Чиппендейл, небольшая спальня на одного, кухня и две комнаты для прислуги. Он взял с собой кухарку, которая служила у него много лет, еще в Сент-Джон-Вуде, а остальную прислугу отпустил и дал объяснение, что ищет горничную. Он точно знал, что ему нужно, и все подробно объяснил служащей агентства. Он не хотел слишком молодую горничную: во-первых, потому, что молодые женщины легкомысленны, а во-вторых, пойдут всякие разговоры, хотя он и в зрелом возрасте и человек строгих правил. Итак, ради безопасности своей репутации и репутации той, которая будет у него служить, горничная ему требовалась среднего возраста. Кроме того, она должна уметь хорошо чистить серебро. Он всегда любил старинное серебро; разумно требовать, чтобы с ложками и вилками, которыми пользовались дамы при дворе королевы Анны, обращались бережно и с должным уважением. По натуре он был гостеприимен и любил хоть раз в неделю приглашать на обед от четырех до восьми человек. В своей кухарке он был уверен и хотел, чтобы горничная прислуживала умело и быстро. К тому же ему требовался слуга. Одевался он хорошо, соответственно возрасту и положению. Горничная, которую он искал, должна была уметь гладить брюки и галстуки; еще его очень заботило, чтобы обувь была начищена до блеска. У него была очень маленькая нога, и ему доставляло немало хлопот подобрать нужные туфли; он требовал, чтобы их сразу надевали на колодку, едва он их снимал. Наконец, надо содержать в порядке квартиру. Ну и, само собой разумеется, претендентка должна иметь хороший характер, приятную внешность, быть рассудительной, честной, заслуживающей доверия. За все это он готов был платить хорошее жалованье, предоставить разумную свободу и отпуск. Заведующая конторой, не моргнув глазом, выслушала все это и, заверив, что сумеет ему угодить, прислала целую коллекцию претенденток; коллекция свидетельствовала о том, что ни одно его слово не было принято во внимание. Он самолично принял каждую. Одни явно ничего не умели делать, другие были слишком легкомысленны, третьи слишком стары или слишком молоды, у других был неподходящий внешний вид. Короче, не было ни одной, которую он согласился бы взять на испытание. Он был человеком добрым и вежливым, поэтому отказывал от улыбаясь, в самых изысканных выражениях. Он не терял терпения. Он готов был беседовать с ними до тех пор, пока не найдет то, что надо.

Странная штука — жизнь. Если вы не согласны ни на что,

кроме самого лучшего, бывает, что вы его получаете. Если вы категорически отказываетесь довольствоваться чем придется, то в конце концов находите то, что ищете. Как будто судьба говорит: «Этот человек был круглый дурак, он ищет совершенства», — а потом из чисто женского упрямства бросает совершенство вам на колени.

Однажды прямо с ясного голубого неба раздался голос портье, обращенный к Ричарду Харенгеру:

— Я слышал, что вам нужна горничная, сударь. Я знаю одну, которая ищет место.

— Вы можете лично рекомендовать ее?

Ричард Харенгер был твердо убежден, что рекомендация слуги гораздо надежнее рекомендации хозяина.

— Я могу поручиться за ее порядочность. Она служила в очень хорошем доме.

— Я вернусь переодеться в семь. Если ее это устраивает, я могу поговорить с ней.

— Очень хорошо, сударь. Я постараюсь, чтобы ей передали.

Не успел он прийти домой, как раздался звонок, и кухарка сказала, что особа, о которой говорил портье, пришла.

— Проводите ее, — ответил он.

Он зажег более яркий свет, чтобы лучше рассмотреть претендентку, поднялся и стал спиной к камину. Вошла женщина и с почтительным видом остановилась в дверях.

— Добрый вечер. Как вас зовут?

— Причард, сударь.

— Сколько вам лет?

— Тридцать пять, сударь.

— Что же, подходящий возраст.

Он затаился сигаретой и задумчиво посмотрел на нее. Это была высокая женщина, почти такая же высокая, как он, правда, она была на каблучках. Черное платье плотно облегло фигуру. Она хорошо держалась. У нее были приятные черты лица и яркий румянец.

— Вы не хотите снять шляпу? — спросил он.

Она сняла шляпу, и он увидел, что у нее светло-коричневые волосы, аккуратно уложенные в прическу, которая шла ей. Она выглядела сильной и здоровой. Ее нельзя было назвать ни худой, ни полной. Если ее соответствующим образом одеть, она будет выглядеть очень представительной. Она не была излишне эффектной; но ее, безусловно, можно было назвать хорошенькой. Принадлежи она к другому обществу, ее, пожалуй, считали бы красивой женщиной. Он продолжал задавать ей различные вопросы. Ответы его удовлетворяли. С последнего места она ушла по вполне уважительной причине. По-видимому, она хорошо зна-

ла свои обязанности. Немного застенчива, но без робости или неуверенности. Он спрашивал неторопливо, дружелюбно. Она спокойно отвечала. Да, она произвела на него впечатление. Он спросил, какие у нее есть рекомендации. Они были в полном порядке.

— Теперь послушайте,— начал он,— я, пожалуй, готов взять вас, но не люблю никаких перемен. Моя кухарка служит у меня двенадцать лет. Если вы мне подойдете и вам подойдет это место, я надеюсь, вы останетесь. То есть я не хочу, чтобы вы пришли ко мне через три месяца и заявили, что выходите замуж.

— Этого можно не бояться, сударь. Я вдова. Мне не кажется, что замужество — такая уж выгодная вещь в моем положении. Мой муж ни разу не менял работы со дня нашей свадьбы, и я намерена следовать его примеру. Единственное, что я ищу теперь,— это хорошее место.

— Я готов согласиться с вами,— улыбнулся он.— Женитьба — вещь хорошая, но не следует превращать ее в привычку.

Она тактично промолчала, ожидая решения. Похоже, она не слишком волновалась по этому поводу. Он подумал: если она действительно так опытна, как кажется, то, вероятно, прекрасно знает, что ей нетрудно найти место. Он сказал, какую она будет получать зарплату. Видимо, это удовлетворило ее. Он хотел было рассказать ей про квартиру, но она ответила, что уже все знает, и у него создалось впечатление — оно скорей позабавило его, чем разочаровало, — что она справлялась о нем, прежде чем зайти. Это свидетельствовало об осторожности и здравом смысле.

— Когда вы сможете прийти, если я приму вас? Сейчас у меня нет никого. Кухарка по мере сил управляет со всеми делами, но я хотел бы, чтобы все как можно скорее стало на свои места.

— Хорошо, сударь. Я собиралась отдохнуть неделю, но если речь идет о том, чтобы угодить джентльмену, я готова от этого отказаться. Я могу прийти завтра, если вам удобно.

— Я не хотел бы лишать вас отпуска. Я вполне могу обойтись еще неделю. Отдыхайте, а потом приходите ко мне.

— Большое спасибо, сударь. Вас устроит, если я приду ровно через неделю?

— Вполне.

Когда она ушла, Ричард Харенгер почувствовал, что сделал хорошее дело. Кажется, он нашел именно то, что нужно. Он позвонил и сказал кухарке, что нанял наконец горничную.

— Мне кажется, она понравится вам, сударь. Она приходила ко мне сегодня днем. Я сразу поняла, что она знает свое дело. Она не похожа на тех вертихвосток.

— Увидим, миссис Джеди. Надеюсь, вы дали мне хорошую характеристику.

— Я сказала, что вы не такой, как все. Я сказала, что вы джентльмен и любите порядок.

Он согласился, что это так.

— Она сказала, что ничего не имеет против. Еще она сказала, что ей нравятся люди, которые во всем знают толк, и что нет никакого удовольствия стараться, если никто этого не замечает. По-моему, вы увидите, что она гордится своей работой, в этом она очень самолюбива. Конечно, не попробуешь — не узнаешь, но если хотите знать мое мнение, я считаю, она настоящее сокровище.

Причард действительно оказалась сокровищем. Никогда ни одного человека не обслуживали лучше. Ботинки она чистила просто необыкновенно. Когда ясным, солнечным утром он направлялся пешком в министерство, вид у него был крайне самодовольный, потому что osoba его отражалась в зеркале ботинок. Она так тщательно следила за его одеждой, что коллеги стали подшучивать над ним, называя его самым хорошо одетым государственным служащим. Как-то, неожиданно вернувшись домой, он увидел, что в ванной сушатся носки и платки. Он позвал Причард.

— Скажите, Причард, вы сами стираете платки и носки? Мне казалось, у вас и так хватает дела.

— Они очень портятся в прачечной. Я предпочитаю стирать их сама, если вы не возражаете.

Она, не спрашивая, точно знала, что и по какому случаю он должен надеть — смокинг и черный галстук или фрак и белый галстук. Когда он отправлялся на прием, куда следовало являться в орденах, скромная полосочка медалей сама собой появлялась на лацкане фрака. Скоро он перестал каждое утро выбирать галстуки, потому что она заранее вынимала именно тот, который он взял бы сам. Вкус ее был безупречен. Вероятно, она читала его письма, потому что всегда знала, что он собирается делать, и если он забывал, на какой час у него назначена встреча, не было необходимости смотреть в записную книжку: Причард всегда могла ему напомнить. Она прекрасно знала, каким тоном надо говорить с тем или иным лицом по телефону: со всеми, кроме торговцев, с которыми она умела проявлять власть, Причард была неизменно вежлива, но с истинными друзьями господина Харенгера или с женой министра говорила особым тоном. Она инстинктивно чувствовала, с кем он захочет разговаривать, а с кем нет. Сидя в гостиной, он иногда слышал, как она с невозмутимой искренностью говорила, что его нет дома,

а потом сообщала ему: звонила такая-то, но она решила, он не захочет, чтобы его беспокоили.

— Совершенно верно, Причард,— улыбался он.

— Я поняла, что она звонит по поводу концерта,— отвечала Причард.

Друзья назначали с ним встречу через нее, а когда он приходил, она сообщала ему об этом.

— Звонила миссис Сомс, сударь, и спрашивала, будете ли вы у нее на завтраке в этот четверг, восьмого, но я ответила, что вы крайне сожалеете, но завтракаете в этот день у леди Версайндер. Господин Оклей звонил и спрашивал, будете ли вы на коктейль-приеме в Савойе в следующий четверг в шесть. Я сказала, что будете, если сможете, но скорее всего вам придется пойти к зубному врачу.

— Совершенно верно.

— Я считаю, что вы успеете решить ближе к делу.

Квартира сверкала как игрушка. Как-то, вернувшись после отпуска, он снял с полки книгу (Причард тогда еще только постигла к нему) и сразу заметил, что с нее стерта пыль.

Он позвонил.

— Я забыл вам сказать, когда уезжал, чтобы вы ни в коем случае не трогали книги. Когда с книг вытирают пыль, они никогда не попадают на место. Я ничего не имею против того, что они пыльные, но меня бесит, когда я не нахожу то, что нужно.

— Мне очень жаль, сударь,— ответила Причард,— но я знаю, что некоторые господа очень педантичны, и позаботилась, чтобы каждая книга осталась на своем месте.

Ричард Харенгер взглянул на полки. Насколько позволял беглый осмотр, можно было сказать, что все книги действительно стоят на своих местах.

Он улыбнулся.

— Простите, Причард.

— К ним невозможно было притронуться без того, чтобы руки не стали черными

Само собой, его серебро еще никогда не было так безукоризненно начищено. Он решил, что надо особо похвалить ее за это.

— Вы знаете, это в основном серебро эпохи королевы Анны и Георга I,— пояснил он.

— Да, я знаю, сударь. Когда к тебе в руки попадают действительно хорошие вещи, приятно содержать их так, как они того заслуживают.

— У вас особое умение обращаться с ними. Ни у одного лакея серебро не было в таком порядке, как у вас.

— У мужчин нет того терпения, что у нас,— скромно ответила она.

Как только он счел, что Причард освоилась с местом, он решил возобновить обеды, которые так любил давать раз в неделю. Он уже убедился, что она умела прислуживать за столом, и все-таки испытал особое удовлетворение, когда понял, как она умело руководит приемом. Она была проворна, молчалива и внимательна. Гость еще не успевал осознать, чего он хочет, как она тут же появлялась около него, предлагая как раз то, что ему хотелось бы. Вскоре она изучила вкусы наиболее близких друзей и помнила, что тот предпочитает воду вместо виски и содовой, а этот любит молодую баранину. Она совершенно точно знала, насколько надо охладить рейнвейн, чтобы он не потерял своего вкуса, и сколько надо продержать в комнате кларет, чтобы наиболее полно проявился его букет. Одно удовольствие смотреть, как она наливает бургундское, не взбалтывая осадка. Однажды она подала не то вино, которое заказал Ричард. Он довольно резко указал ей на это.

— Я открыла бутылку, но она слегка отдавала пробкой. Тогда я решила, что лучше взять шамбертен.

— Совершенно верно, Причард.

Потом он стал целиком полагаться на нее, потому что понял: она твердо знала, какое вино понравится гостям. Не дожидаясь его приказа, она подавала лучшее вино и самое старое бренди, если знала, что будут гости, понимающие толк в том, что пьют. К дамам она относилась с пренебрежением и, когда они присутствовали на обеде, готова была подать самое скверное шампанское. У нее был особый инстинкт английской прислуги, позволяющий безошибочно угадывать общественное положение гостя. Ни чин, ни деньги не могли обмануть ее, если она видела, что этот человек не джентльмен. У нее были любимчики среди его друзей. Когда тот, кого она действительно любила, поглощал обед с видом кота, добравшегося до канарейки, она подавала для него вино, которое Харенгер хранил для особых случаев. Это забавляло его.

— Вы заслужили особое расположение Причард, старина. Она подает такое вино только избранным.

Причард стала своего рода институтом. Очень скоро она прославилась как лучшая горничная. Люди ничему так не завидовали, как тому, что у него была Причард. Ее ценили на вес золота, дороже рубинов. Ричард Харенгер самодовольно надувался, когда ее хвалили.

— У хороших хозяев всегда хорошие слуги,— весело говорил он.

Как-то вечером, когда она вышла, а они сидели, потягивая портвейн, разговор зашел о Причард.

— Если она уйдет, это будет ужасный удар для вас.

— Почему она должна уйти? Несколько человек пыталось переманить ее, но она решительно отказывалась. Она знает, где ей лучше.

— Не сегодня-завтра она выйдет замуж.

— Не думаю, что она способна на это.

— Она интересная женщина.

— Да, у нее вполне приятная внешность.

— Да что вы говорите? Она очень красива. Будь она из другого общества, она была бы знаменитой красавицей, а ее портреты помещались во всех газетах...

В этот момент Причард принесла кофе. Ричард Харенгер взглянул на нее. За четыре года, видя, как она снует туда и обратно,— подумать только, как летит время,— он совсем забыл, какая она. Пожалуй, она почти не изменилась с тех пор, как он увидел ее впервые. Она не пополнила, у нее по-прежнему яркий румянец, а правильные черты лица сохранили то же глубокомысленное, сосредоточенное и вместе с тем пустое выражение. Она опять вышла.

— Она образец совершенства, в этом нет никакого сомнения.

— Я знаю,— ответил Харенгер.— Я бы пропал без нее. И все-таки, как ни странно, я не очень люблю ее.

— Почему?

— Она немного раздражает меня. Понимаете, она не умеет разговаривать. Я не раз пытался заговорить с ней. Она отвечает, когда я спрашиваю, но не больше. За четыре года она ни разу не сказала ничего сама. Я ничего не знаю о ней. Не знаю, нравлюсь ли я ей или она абсолютно безразлична ко мне. Она автомат. Я уважаю ее, ценю, доверяю ей. У нее все достоинства, какие только могут быть, и меня часто удивляет, что я абсолютно равнодушен к ней. Наверно, потому, что она полностью лишена обаяния.

На этом разговор и кончился.

Через несколько дней после этого Ричард Харенгер обедал один в клубе, потому что в этот день у него не было приглашений, а у Причард был свободный вечер. Подошел мальчик-слуга и сказал, что звонили из дома — просили передать, что он ушел без ключей, и спрашивают, прислать ли их. Он опустил руку в карман. Так оно и есть. Редкий случай, чтобы он забыл положить ключи, когда переодевается к обеду. Он собирался поиграть в бридж, но народу было мало и интересной игры не предвиделось. Он решил, что неплохо бы воспользоваться слу-

чаем и пойти посмотреть картину, о которой так много говорят, и передал, что через полчаса сам зайдет за ключами.

Он позвонил; дверь открыла Причард с ключами в руках.

— Что вы здесь делаете, Причард? Сегодня же ваш свободный вечер.

— Да, сударь, но мне не хотелось идти, и я сказала миссис Джеди, что она может пойти вместо меня.

— Надо уходить, когда есть возможность,— задумчиво произнес он.— Нехорошо сидеть все время взаперти.

— Я выхожу иногда пройтись, но вечером я уж, наверно, целый месяц никуда не ходила.

— Да почему же?

— Не так уж интересно идти одной, а сейчас у меня нет никого, с кем бы мне хотелось пойти.

— Время от времени человек должен развлекаться. Это было бы полезно вам.

— Я как-то уже отвыкла от этого.

— Послушайте, я как раз иду в кино. Хотите пойти со мной?

Сказал он это просто по доброте, повинувшись мгновенному побуждению, и тут же пожалел об этом.

— Да, сударь, я с удовольствием пошла бы,— ответила Причард.

— Собирайтесь и наденьте шляпу.

— Сейчас, минутку.

Она исчезла, а он пошел в гостиную и закурил. Его немного забавляло то, что он сделал, пожалуй, ему это даже нравилось; приятно сделать кого-нибудь счастливым, когда для этого требуется так мало усилий. Очень характерно для Причард, что она не выказала ни удивления, ни колебания. Она заставила его прождать пять минут, а когда вошла, он заметил, что она переоделась. На ней было синее платье, наверно, из искусственного шелка, маленькая черная шляпка с синей заколкой и чернубрая лиса на шее. Он с облегчением отметил: она не выглядит ни убого, ни кричаще. Если бы их увидели, никому и в голову не пришло бы, что это один из крупных чиновников министерства внутренних дел и его горничная.

— Простите, что заставила вас ждать, сударь.

— Пустяки,— любезно ответил он.

Он открыл парадную дверь и пропустил ее вперед. Он вспомнил анекдот о Людовике XIV и его придворном и отметил тот факт, что она, не задумываясь, прошла раньше его. Кинотеатр был недалеко, и они шли пешком, разговаривая о погоде, состоянии дорог и Адольфе Гитлере. Она соответствующим образом отвечала. Они вошли как раз тогда, когда появилась Микки-Маус, и это привело их в хорошее настроение. За четыре года

Ричард Харенгер, пожалуй, ни разу не видел, как она улыбается; теперь она беспрестанно хохотала. Это доставило ему удовольствие. Потом начался фильм. Фильм был хороший, и они сидели затаив дыхание. Достав портсигар, он машинально предложил Причард сигарету.

— Спасибо, сударь,— сказала она, взяв одну.

Он подал ей огонь. Она смотрела на экран и действовала почти автоматически. Когда картина закончилась, они вместе с толпой вышли на улицу. И пошли по направлению к дому. Был прекрасный, звездный вечер.

— Вам понравилось? — спросил он.

— Это было настоящее наслаждение.

— Кстати, вы сегодня ужинали?

— Нет, сударь, мне некогда было.

— Так вы, должно быть, умираете с голоду?

— Я съела кусочек хлеба с сыром, а сейчас сделаю себе чашку какао.

Это прозвучало довольно уныло. В воздухе витало ощущение веселья, а проходившие мимо люди, казалось, были в приподнятом настроении. Ну что ж, назвался груздем — полезай в кузов, и он сказал:

— Погодите, вы не хотите поужинать со мной где-нибудь?

— Если вам угодно, сударь.

— Идемте.

Он остановил такси. Он чувствовал себя очень щедрым, и нельзя сказать, что это не нравилось ему. Он назвал шоферу ресторан на Оксфорд-стрит; там было весело и наверняка не встретишь знакомых. В ресторане играет оркестр и танцуют. Причард должно понравиться. Они сели за столик.

— У них здесь неплохие ужины. А что вы будете пить? Может, немного белого?

— Я бы хотела имбирный лимонад.

Себе Ричард Харенгер заказал виски и содовую. Она ела с аппетитом, и хоть Харенгер не был голоден, он тоже стал есть, чтобы не смущать ее. Говорили они о том, что видели вокруг. Его друзья были правы. Причард совсем недурна собой, и даже если кто его и увидит, он, пожалуй, не будет иметь ничего против. Он изрядно позабавит друзей, когда расскажет им, как он водил несравненную Причард в кино и как они потом вместе ужинали. С легкой улыбкой Причард следила за танцующими.

— Вы любите танцевать? — спросил он.

— Я очень увлекалась танцами, когда была девушкой. После замужества я мало танцевала. Муж был немного ниже меня,

а мне кажется, что красиво только тогда, когда мужчина выше. Да и, пожалуй, я уж слишком стара для танцев.

Ричард был безусловно выше своей горничной. Они будут выглядеть совсем неплохо. Он любил танцевать и танцевал хорошо. Он колебался, приглашать ли ее. Он не хотел ставить Причард в неловкое положение. Лучше не заходить слишком далеко. А впрочем, какая разница? У нее такая однообразная жизнь. Она человек разумный и если сочтет, что это неудобно, найдет благовидный предлог.

— Не хотите ли потанцевать немного, Причард? — спросил он, когда оркестр заиграл снова.

— Я совсем разучилась, сударь.

— Какое это имеет значение?

— Если вы не против, сударь, — ответила она, вставая.

Она несколько не смутилась. Она только боялась, что будет плохо слушаться его. Они прошли на площадку. Ричард обнаружил, что она очень хорошо танцует.

— Да вы же прекрасно танцуете, Причард!

— Это вспоминается.

Хоть она и была крупной женщиной, но двигалась легко и обладала природным чувством ритма. С ней было очень приятно танцевать. Он посмотрел в зеркала на стене и не мог не подумать, что они выглядят отличной парой. Глаза их встретились в зеркале; интересно, подумала ли она то же самое. Потом они еще танцевали, а позже Ричард сказал, что пора идти домой. Он заплатил по счету, и они вышли. Он обратил внимание, что она пробирается сквозь толпу без тени неловкости. Они сели в такси и через десять минут были дома.

— Я поднимусь по черной лестнице, сударь.

— Абсолютно незачем делать это. Мы поднимемся вместе на лифте.

Он взял ее под руку и холодно посмотрел на портье, давая ему понять, что нет ничего странного в том, что он немного поздновато возвращается со своей горничной. Он открыл дверь ключом и впустил ее.

— Ну, что же, спокойной ночи, сударь. Большое спасибо. Для меня это был настоящий праздник.

— И вам спасибо, Причард. Мне было бы очень скучно сидеть одному весь вечер. Надеюсь, вам понравился наш выход.

— У меня нет слов, сударь.

Успех был полный. Ричард Харенгер был доволен собой. Он сделал доброе дело. Очень приятно сознавать, что действительно доставил кому-то столько удовольствия. Такая благотворительность согрела его, и на какое-то мгновение он почувствовал, что в сердце его вырастает любовь ко всему человечеству.

— Доброй ночи, Причард,— сказал он и, чувствуя себя таким счастливым и добрым, обнял ее за талию и поцеловал в губы. Они задержались на его губах, она ответила на поцелуй. У нее было крепкое, жаркое тело здоровой женщины во цвете лет. Ему показалось это очень приятным, и он немного крепче прижал ее к себе. Она обняла его за шею.

* * *

Обычно он не просыпался до того, как входила Причард с письмами, но на сей раз он проснулся в половине восьмого. У него было какое-то странное ощущение, он сразу не мог даже понять, в чем дело. Он привык спать на двух подушках и вдруг понял, что лежит только на одной. Тогда он тут же все вспомнил и сразу оглянулся. Вторая подушка лежала рядом. Слава богу, на ней никого не было, но совершенно очевидно, что были. Сердце его упало. Лицо покрылось холодным потом.

— Бог мой, какой я был дурак!— громко воскликнул он.

Как мог он сделать такую глупость? Что это вдруг на него нашло? Вот уж не в его духе было заигрывать со служанками. Какой стыд! В его-то возрасте и при его положении. Он не слышал, как Причард выскользнула. Наверное, он спал. Даже нельзя сказать, что она очень нравится ему. Она не в его вкусе. Как он уже говорил недавно, она скорее действовала ему на нервы. Даже теперь она оставалась для него только Причард. Он не знал ее фамилии. Какой идиотизм! А что будет дальше? Такое положение немыслимо. Совершенно ясно, что он не сможет дольше держать ее, а, с другой стороны, уволить ее по его же вине, впрочем, и по ее собственной, ужасно несправедливо. Потерять лучшую горничную из-за какой-то минутной блажи!

— Все эта проклятая доброта,— простонал он.

Теперь он уже не найдет никого, кто бы так следил за его одеждой и так чистил серебро. Она знала телефоны всех его друзей и понимала толк в вине. Но, само собой, она должна уйти. Она должна понять, что после того, что случилось, так больше продолжаться не может. Он сделает ей хороший подарок и даст отличную рекомендацию. Она с минуты на минуту должна войти. Какой она будет — лукавой, фамильярной? Или, может быть, она начнет задирать нос? Вероятно, она даже не даст себе труда принести письма. Это будет ужасно, если ему придется позвонить и войдет миссис Джеди со словами: «Причард еще не встала, ей надо отдохнуть после вчерашнего».

— Боже, какой я был идиот! Какой презренный болван!

В дверь постучали. Ему даже стало нехорошо от ожидания.

— Войдите.

Ричард Харенгер был несчастен.

Часы начали бить, когда она вошла. На ней было пестрое платье, которое она обычно носила в первую половину дня.

— Доброе утро, сударь.

— Доброе утро.

Она подняла занавеси и дала ему письма и газеты. Лицо ее было бесстрастно. Выглядела она точно такой же, как всегда, и двигалась так же медленно, как обычно. Она не избегала его взгляда, но и не искала его.

— Вы наденете серый костюм? Его вчера принесли от портного.

— Да.

Он сделал вид, что читает письма, а сам следил за ней из-под полуопущенных век. Причард стояла спиной к нему. Она взяла его фуфайку и кальсоны и повесила их на стул. Потом вынула запонки из вчерашней рубашки и продела их в свежую. Потом взяла носки и положила их вместе с подвязками на сиденье стула. Наконец, вынула серый костюм и пристегнула подтяжки к задним пуговицам брюк. Открыла шкаф и после минутного размышления вынула нужный галстук.

— Вы будете сейчас завтракать или примете сначала ванну?

— Я буду сначала завтракать.

— Очень хорошо, сударь.

Она вышла, двигаясь спокойно, медленно. Лицо ее было по-прежнему серьезным, почтительным и не выражало ничего. Все случившееся наверняка было просто сном. Ничто в поведении Причард не говорило о том, что она сохранила хоть малейшее воспоминание о вчерашнем. Он облегченно вздохнул. Все будет хорошо. Ей незачем уходить, ей совершенно незачем уходить. Причард была идеальной горничной. Он знал, что никогда ни словом, ни жестом она не даст понять, что на какое-то мгновение их отношения были непохожи на отношения слуги и хозяина. Ричард Харенгер был очень счастливым человеком.

ДЖЕЙН

Я отлично помню, как я впервые повстречался с Джейн Фаулер. Я только что вернулся тогда в Лондон из Китая и заехал на чашку чая к миссис Тауэр. Миссис Тауэр была из тех женщин, чей возраст остается для всех окружающих неразрешимой загадкой. Когда я был еще совсем-совсем зеленым юнцом, она была почтенной замужней дамой, а я, естественно, по сравнению с нею казался сосунком, у которого молоко на губах не

обсохло. А теперь она обращалась со мной, как с ровесником. Она неустанно повторяла везде и всюду, что ей сорок лет и что она, боже упаси, не собирается делать из этого секрета; а затем, лукаво ухмыльнувшись, добавляла, что вообще-то все женщины на свете всегда преуменьшают свой возраст лет на пять. Миссис Тауэр никогда не скрывала, что красит волосы, а волосы у нее были чудесного кофейного цвета с красным оттенком; и, как она говорила, красит она свои волосы только потому, что они начали седеть и поэтому отвратительно выглядят. Однако, утверждала миссис Тауэр, когда она совсем поседеет, она незамедлительно перестанет краситься.

— И тогда,—повторяла она,—все станут мне говорить: «Ах, как вы молодо выглядите!»

А пока суд да дело, миссис Тауэр красилась, хотя это и не сразу бросалось в глаза, и в ее взгляде светилась живость, отнюдь не созданная усилиями мастеров из салона красоты. Миссис Тауэр была женщина весьма импозантная, изысканно одетая, и в тусклом свете матовых ламп она не выглядела ни на один день старше тех сорока лет, которые она себе давала.

— Единственно, где я могу себе позволить вкрутить стосвечовую лампу, так это над моим туалетным столиком,—говаривала она, улыбаясь с обезоруживающим цинизмом.— Там мне прежде всего нужно, чтобы зеркало сказала мне откровенно жестокую правду, а потом помогло мне эту правду скрывать.

Итак, я пришел к миссис Тауэр на чашку чая. Мы немного почесали языки о наших общих знакомых, и она рассказала мне все последние сплетни. После долгих месяцев скитаний приятно было посидеть в удобном кресле у камина и побеседовать с остроумной и обаятельной женщиной. Она относилась ко мне, как к блудному сыну, вернувшемуся домой, и намеревалась выжать из меня как можно больше рассказов. Миссис Тауэр всегда гордилась своим умением устраивать приемы; то, в каком порядке рассадить гостей, заботило ее ничуть не меньше, чем то, что будет у гостей на тарелке. Мало было в Лондоне людей, которые не считали бы для себя великой честью получить от миссис Тауэр приглашение. Сейчас она пригласила меня на свой ближайший прием и спросила, с кем бы мне хотелось там встретиться.

— Правда, — добавила она, — есть одно небольшое «но». Если Джейн Фаулер к тому времени все еще будет в городе, прием придется отменить.

— Кто это такая, Джейн Фаулер? — спросил я.

— Джейн Фаулер — это мое горе-злосчастье.

— Вот как?

— Да. Помните фотографию у меня на роале? Такая не-

красивая женщина в туго обтягивающем платье с рукавами свободного покроя и еще с золотым медальоном; помните, волосы у нее гладко зачесаны назад, так что уши торчат, а на тупом носу — очки.

— У вас на рояле было так много фотографий,— сказал я.— Так кто она все-таки такая, эта Джейн Фаулер?

— Это моя золовка — сестра моего мужа. Она была замужем за каким-то захудалым фабрикантом с севера Англии, а теперь уже много лет как вдовеет. Он оставил ей довольно приличное состояние.

— А почему она ваше горе-злосчастье?

— Ох! Она добродетельна, она безвкусна, она провинциальна! Она выглядит на добрых двадцать лет старше меня, и при этом с нее станет сообщить первому встречному, что она моя ровесница. И она готова трезвонить направо и налево, что когда-то она была школьной учительницей. Она ужас как привязана к своим родственникам, а так как я ее единственная родня, то она постоянно липнет ко мне. Когда она является в Лондон, ей и в голову не придет, что можно остановиться где-нибудь, а не у меня: она, видите ли, воображает, что если она поселится в другом месте, то я смертельно обижусь. А уж если она и приезжает в Лондон, то недели на три, никак не меньше, а то и на месяц. И вот она тут сидит, вяжет, читает. А иногда чуть не силком вытаскивает меня обедать, и не куда-нибудь, а не иначе как в «Клэридж», и тогда пиши пропало: выглядит она, как старуха-поденщица из деревни. И, как назло, за соседним столиком почти всегда окажется кто-нибудь из знакомых, кого я в этот момент меньше всего хотела бы встретить.

Миссис Тауэр сделала паузу, чтобы перевести дух.

— Надеюсь,— сказал я,— вы с вашим чувством такта с честью выходите из этих испытаний.

— И у меня не хватает духу показать ей от ворот поворот. Она ко мне безумно добра. Она зануживает меня до смерти, но я ни за что не подам виду, что она нагоняет на меня тоску зеленую.

— И когда же она приедет?

— Завтра.

Не успела миссис Тауэр произнести эти слова, как задребезжал звонок, и через минуту дворецкий ввел в комнату пожилую даму.

— Миссис Фаулер! — изрек дворецкий.

— Джейн! — воскликнула миссис Тауэр, вскакивая с софы.— Я не ждала тебя так рано!

— Твой дворецкий сказал мне то же самое. Но ведь я в письме ясно написала «сегодня».

— Ну, это неважно! — сказала миссис Тауэр, собравшись с мыслями. — Я тебе очень, очень рада, когда бы ты ни приехала. К счастью, сегодня вечером я совершенно свободна.

— О, пожалуйста, обо мне не беспокойся. Все, что мне надо, — это крутое яйцо на обед.

На мгновение лицо миссис Тауэр скривилось в легкой гримасе. Ну и ну! Крутое яйцо!

— Я надеюсь, — сказала она, — что мы сможем пообедать и поплотнее.

Мне не верилось, что миссис Тауэр и миссис Фаулер — ровесницы. Миссис Фаулер выглядела на добрых пятьдесят пять. Это была довольно высокая женщина в черной соломенной шляпке с широкими полями, вуаль спускалась ей чуть ли не на плечи, на ней были высокие сапожки и длинное черное платье, сшитое по моде чуть ли не двадцатилетней давности, такое пышное, словно под ним умещалось по меньшей мере полдюжины кринолинов. Она была, видимо, очень близорука, и у нее на носу красовались огромные очки в сияющей золотой оправе. Волосы она зачесывала назад так, что они открывали лоб и уши.

— Не хочешь ли чаю? — спросила миссис Тауэр.

— Не беспокойся, — сказала с улыбкой миссис Фаулер, и, когда она улыбнулась, я обратил внимание, что у нее красивые, ровные, белые зубы. Улыбка делала ее гораздо привлекательнее.

Я почувствовал себя третьим лишним и откланялся, оставив обеих дам наслаждаться обществом друг друга.

На следующий день миссис Тауэр позвонила мне ни свет ни заря, и по ее голосу я сразу понял, что стряслось что-то сногшибательное.

— У меня потрясающая новость! — закричала она. — Джейн выходит замуж.

— Чепуха.

— Клянусь вам. Ее жених сегодня придет ко мне представиться. Мне бы хотелось, чтобы вы тоже зашли.

— Боюсь, что буду там ни к селу ни к городу.

— Ничуть! Джейн сама попросила меня вас пригласить.

— А кто он такой, ее жених?

— Не знаю. Она говорит, что он архитектор. Могу себе представить, что это за фрунт, раз он женится на Джейн.

У меня днем не было никаких дел, и мне улыбалась перспектива вкусно пообедать у миссис Тауэр.

Когда я явился, миссис Тауэр, одетая, как на парад, была еще одна.

— Джейн кончает наводить на себя красоту, — фыркнула она. — Вы бы только на нее поглядели! Она чуть ли не пор-

хает. По ее словам, ее нареченный от нее без ума. Его зовут Гилберт, и, когда она о нем говорит, у нее даже голос дрожит. Смех, да и только!

— Интересно, что он собой представляет.

— Ясно как день: это какой-нибудь толстый плешивый старый хрыч с золотой цепью на брюхе. Грузный, жирный, лоснящийся, с красной рожей и, небось, таким басом, что стоит ему заговорить, так все лампочки дрожат.

Вошла миссис Фаулер. На ней было чересчур узкое черное шелковое платье с широкой юбкой и шлейфом, с глубоким узким вырезом на груди и рукавами до локтя. На шее у нее красовалось алмазное ожерелье. Она держала в руке пару длинных черных перчаток и веер из страусовых перьев. Просто удивительно, как миссис Фаулер ухитрилась (мало кому это удастся) выглядеть именно так, как и должна выглядеть женщина ее возраста и общественного положения: ни за что на свете нельзя было принять ее ни за кого иного, как за почтенную вдову провинциального фабриканта средней руки.

— У тебя очень красивая шея, Джейн,— заметила миссис Тауэр с добродушной усмешкой.

Действительно, гладкая, нежная шея миссис Фаулер как-то не гармонировала с ее старообразным лицом и с немодной прической. Мне бросилось в глаза, что голова у нее очень изящно покоится на плечах.

— Мэрион уже рассказала вам мою новость? — спросила миссис Фаулер, улыбаясь мне, точно мы были старыми друзьями.

— Разрешите вас поздравить,— сказал я.

— Подождите поздравлять, пока вы не познакомились с моим молодым человеком.

— Как это мило, что ты называешь его молодым человеком,— сказала миссис Тауэр.

Мне показалось, что в глазах миссис Фаулер за ее нелепыми очками промелькнул лукавый огонек.

— А ты думаешь, он очень старый? Да разве бы я вышла за какого-нибудь старого подагрика, из которого уже песок сыплется?

Это было одно-единственное предостережение, которым миссис Фаулер нас удостоила. Для дальнейших обсуждений времени уже не оставалось, потому что дворецкий распахнул дверь и торжественно провозгласил:

— Мистер Гилберт Напир!

В комнату вошел юноша в ладно сидящем смокинге. Он был среднего роста, светло-русый, голубоглазый, чисто выбритый. На вид ему было не больше лет двадцати четырех. Сна-

чала я было подумал, что это сын жениха Джейн от первого брака и что он пришел нам сообщить: его отец, мол, не смог приехать из-за приступа ревматизма. Однако молодой человек незамедлительно обратил свой взор на миссис Фаулер, и в этом взоре искрилось, как говорят поэты, пламя страсти, и он направился к ней, протянув обе руки. Миссис Фаулер вложила свои руки в его, на ее губах снова засияла улыбка, и она повернулась к миссис Тауэр.

— Вот мой молодой человек, Мэрион,— сказала она.

— Надеюсь, мы подружимся, миссис Тауэр,— сказал молодой человек.— Джейн мне говорила, что, кроме вас, у нее нет родных.

Лицо миссис Тауэр в этот момент представляло собою модель, достойную кисти гениального живописца. Я с восхищением смотрел, как на этом лице отразилась борьба инстинктов, внушенных воспитанием, с естественными побуждениями женщины. Удивление и даже ужас, которые она в первый момент не могла было скрыть, сразу же испарились, и она вновь превратилась в любезную, гостеприимную хозяйку. Но ей явно не хватало слов. Не удивительно, что Гилберт был несколько сконфужен. Я тоже молчал: я боялся, что если я начну говорить, то не удержусь, чтобы не расхохотаться. Только миссис Фаулер сохраняла олимпийское спокойствие.

— Я знаю, Мэрион, он тебе понравится. Мало кто может лучше Гилберта оценить хороший обед.— Она повернулась к своему жениху: — Кухня Мэрион славится на весь Лондон.

— Я знаю,— ответил Гилберт, лучезарно улыбаясь.

Наконец миссис Тауэр выдавила из себя несколько любезных слов, и мы спустились в столовую. Я не помню ничего комичнее этого обеда. Миссис Тауэр все не могла взять в толк: то ли Джейн над ней просто подшутила, то ли она нарочно не сказала заранее, сколько лет ее жениху, чтобы поставить миссис Тауэр в глупое положение. Но нет, Джейн была решительно неспособна намеренно причинить кому-то зло. Миссис Тауэр была смущена и подавлена, она явно чувствовала себя не в своей тарелке, но делала все возможное, чтобы не подать и виду, что у нее на душе, и старалась вести себя так, как и положено идеальной хозяйке, чей первейший долг состоит в том, чтобы угождать гостям. Но, как ни оживленно она болтала, мистер Гилберт Напир, мне кажется, не мог не заметить, что, когда она обращалась к нему, глаза ее вспыхивали испепеляющим огнем под маской дружелюбия на лице. Казалось, она хотела прорваться взглядом к нему в душу и вытащить оттуда на свет божий тайну его непостижимого поведения. В груди ее, видимо, бушевал пожар, и даже щеки у нее побагровели под пудрой.

— Ты сегодня так раскраснелась, Мэрион,— сказала Джейн, с любовью глядя на миссис Тауэр сквозь свои нелепые очки.

— Я очень торопилась одеться и, наверно, переложила румян.

— Ах, так это румяна? Извини, я не знала, что это румяна, а то бы я промолчала.— Джейн улыбнулась Гилберту.— Ты знаешь, Гилберт, мы с Мэрион вместе учились в школе.— Миссис Тауэр поперхнулась.— А посмотреть на нас сейчас рядом, так никогда этого не скажешь, ведь правда? Но я же всю жизнь жила так тихо, спокойно, в глухой провинции.

Просто не верилось, что она сказала все это без задней мысли. Однако ее замечание доконало миссис Тауэр, и она пришла в такую ярость, что, окончательно забыв о своем тщеславии, съязвила:

— Да, Джейн, нам ведь уже за пятьдесят.

Но если она хотела досадить подруге, то просчиталась.

— Гилберт считает, — с невиннейшим видом ответила Джейн, — что ради него я должна всем говорить, будто мне сорок девять.

У миссис Тауэр дрожали руки, но недаром она славилась своим умением не лезть за словом в карман.

— Это разумно,— сказала она вежливо,— он все-таки тебя чуть-чуть моложе.

— На двадцать семь лет,— спокойноотреагировала Джейн.— Думаешь, это слишком много? Гилберт говорит, что для своего возраста я удивительно молодо выгляжу. Правда, Гилберт? Я же тебе говорила, Мэрион, что не собираюсь выходить за старого хрыча, из которого песок сыплется.

Я не удержался от смеха, и Гилберт тоже засмеялся. Это был искренний юношеский смех: как видно, все, что говорила Джейн, доставляло ему удовольствие. Но миссис Тауэр была уже доведена до белого каления; я боялся, что, если не положить конец этой пикировке, миссис Тауэр может, чего доброго, забыть, что она светская женщина.

Я попытался разрядить обстановку и сказал:

— Вы, наверно, сейчас занимаетесь закупками к свадьбе?

— Нет,— ответила миссис Фаулер,— я хотела заказать платья в Ливерпуле, у портного, который меня всю жизнь обшивал, но Гилберт не хочет. Он говорит, что займется этим сам: у него великолепный вкус. Мы едем в свадебное путешествие в Италию. Гилберт будет изучать архитектуру Ренессанса, это очень важно для архитектора. А по дороге мы остановимся в Париже и там закажем все, что нужно.

— И надолго вы едете?

— Гилберт взял отпуск на полгода. Он получит такое удовольствие: ведь он еще ни разу не был в отпуске больше двух недель.

— А почему это? — ледяным тоном спросила миссис Тауэр.

— Но, дорогая, он же просто не мог себе этого позволить.

— А! — сказала миссис Тауэр, и в этом коротком восклицании была глубина, достойная многотомного романа.

Подали кофе, и дамы ушли наверх. Мы с Гилбертом начали болтать о том о сем, как обычно делают люди, которым не о чем говорить друг с другом, но минуты через две дворецкий принес мне записку от миссис Тауэр:

«Скорее приходите к нам наверх и потом сразу же откланивайтесь. И заберите его с собой. Если я тотчас же не поговорю с Джейн, меня хватит удар».

Я спешно спросил Гилберта, что у миссис Тауэр началась мигрень и что ей необходимо лечь в постель, и предложил ему уйти вместе со мной.

— Да-да, конечно, — сказал он.

Мы поднялись наверх и распрощались. Я взял такси и спросил, не подвезти ли его.

— Нет, спасибо, — ответил он, — я сяду в автобус за углом.

Как только за нами захлопнулась дверь, миссис Тауэр словно с цепи сорвалась.

— Ты что, Джейн, совсем спятила? — завопила она.

— Не больше, чем все другие люди, которые не сидят в сумасшедшем доме, — любезно ответила Джейн.

— Могу я спросить, почему ты выскакиваешь замуж за этого мальчишку?

— Отчасти потому, что он этого хочет. Он пять раз делал мне предложение. Мне надоело ему отказывать.

— А почему, ты думаешь, он спит и видит, как бы на тебе жениться?

— Я ему нравлюсь.

Миссис Тауэр даже застонала от досады.

— Да ведь он не на тебе женится, он на деньгах твоих женится! Он же бессовестный рвач! Я чуть не сказала ему это в лицо.

— Во-первых, ты бы ошиблась, а во-вторых, это было бы не очень вежливо.

— Ты богата, а он без гроша. Неужели у тебя не хватает ума понять, что он женится на тебе из-за денег?

— Не думаю, — хладнокровно ответила Джейн. — Мне кажется, он от меня без ума.

— Но, Джейн, ведь ты же старуха.

— Я не старше тебя, — улыбнулась Джейн.

— Да, но я всегда следила за собой, а ты — нет. Я выгляжу очень молодо для своих лет. Мне никто больше сорока не дает. Но даже мне и в голову бы не взбрело выйти замуж за юнца, который меня на двадцать лет моложе.

— На двадцать семь, — поправила Джейн.

— И ты воображаешь, что двадцатипятилетний мальчишка может увлечься женщиной, которая ему в матери годится?

— Не знаю. Я долго жила в провинции и плохо знаю людей. Говорят, есть один австриец, некто мистер Фрейд, и он...

Но миссис Тауэр была неумолима.

— Не будь душой, Джейн! Это же несерьезно. Это просто смешно! Я всегда считала тебя умной женщиной. От тебя я меньше всего ожидала, что ты можешь влюбиться в желторотого юнца.

— А я в него и не влюблялась, и он это знает. Конечно, он мне нравится, иначе я не стала бы за него выходить...

— Но зачем тебе нужен этот брак?

— Я долго вдовела и жила очень тихо. Мне хочется переменить образ жизни.

— Если тебе так уж не терпится замуж, почему ты не выйдешь за человека одних с тобой лет?

— Никто из людей одних со мной лет не делал мне предложения пять раз. По правде говоря, никто из людей одних со мной лет вообще не делал мне предложения.

— Не паясничай, Джейн, я этого не выношу. Ты просто с ума сошла.

Миссис Тауэр не выдержала и расплакалась, но Джейн оставалась невозмутима.

— Ты будешь очень страдать, — проговорила миссис Тауэр сквозь слезы.

— Не думаю, — ответила Джейн. — Мы все обдумали и обсудили. И мы договорились, что, если кто-нибудь из нас снова захочет стать свободным, другой не будет чинить ему препятствий.

Пока Джейн говорила, миссис Тауэр вновь обрела самообладание в достаточной степени, чтобы ехидно спросить:

— Сколько денег он убедил тебя положить на его счет?

— Я хотела обеспечить ему тысячу фунтов в год, но он и слышать не хотел. Он говорит, что его заработка ему хватает.

— Он умнее, чем я думала, — саркастически заметила миссис Тауэр. — Ну, ладно, сегодня я так устала, давай продолжим этот разговор завтра.

— Боюсь, Мэрион, завтра будет уже поздно. Завтра мы с Гилбертом идем в мэрию регистрироваться.

Миссис Тауэр в отчаянии заломила руки и не нашлась, что сказать.

На следующий день состоялась регистрация брака. Мы с миссис Тауэр были свидетелями. Затем мы проводили молодоженов в свадебное путешествие, и с вокзала я повез миссис Тауэр домой.

— Сколько вы даете этому браку? — спросила она. — Полгода?

— Будем надеяться на лучшее, — улыбнулся я.

— Не говорите глупостей. Никакого «лучшего» быть не может. Вы же, конечно, понимаете, что это за субчик и почему он на ней женился? Этот брак долго длиться не может. Я только надеюсь, что он не доставит ей столько страданий, сколько она заслуживает.

— Ну, если они скоро разведутся, вы утешитесь тем, что скажете: «А что я говорила?»

— Она так безвкусна, так вульгарна, так скучна!

— Не говорите! Конечно, она не очень разговорчива, но ей все-таки палец в рот не клади.

— В жизни не слышала от нее хорошей шутки!

Когда Гилберт и Джейн вернулись из Италии в Лондон, я опять был на Востоке и вернулся лишь через полгода. Я встретился с миссис Тауэр на каком-то обеде, где она оказалась рядом со мной за столом, и спросил ее про Джейн.

— Она здорова, — сухо ответила миссис Тауэр.

— Ну, и как их брак?

Миссис Тауэр помедлила с ответом, чтобы взять с блюда перед собой кусочек соленого миндаля.

— Кажется, все в порядке.

— Стало быть, вы ошиблись?

— Я сказала, что они разойдутся, и они разойдутся. Их брак противен человеческой природе. Это лишь вопрос времени.

— Она счастлива?

— Оба они счастливы.

— Вы, наверно, их редко видите?

— Сначала мы виделись очень часто. А теперь... Теперь Джейн стала такой шикарной...

— Что значит «шикарной»?

— Да вы можете сами увидеть: она здесь.

— Здесь? Где?

— Вон там, слева от хозяйки.

Я взглянул. Как ни странно, я еще раньше обратил внимание на женщину слева от хозяйки, и мне даже показалось, что я ее где-то видел, да и она вроде бы кивнула мне, но я ее не узнал. Она была немолода и не делала никаких попыток молодиться; лицо ее, отнюдь не писаной красоты, было обветренно и покрыто загаром. Но естественность этого лица, не испачканного пудрой, помадой и румянами, делала его очень привлекательным, особенно по контрасту с ее необычайно красивыми, на редкость белыми плечами, какими могла бы гордиться и тридцатилетняя женщина. На ней было потрясающее платье — черно-белое, с большим декольте, с модной короткой юбкой. Это платье производило впечатление почти маскарадного костюма, и все же оно настолько шло своей хозяйке, что, хотя на ком угодно другому это выглядело бы чудовищно, на ней платье казалось совершенно естественным и чуть ли не единственно возможным. Впечатление эксцентричности, в котором не было и тени нарочитости или стремления поразить, довершалось моноклем на широкую черной ленте.

— Так это и есть ваша золовка? — спросил я, чуть не подавившись.

— Это Джейн Напир, — ледяным тоном подтвердила миссис Тауэр.

В этот момент Джейн начала что-то говорить; седой, с большими залысинами джентльмен, со строгим, умным лицом, сидевший слева от нее, наклонился к ней, а какая-то супружеская чета напротив перестала разговаривать между собой и стала слушать Джейн. Когда же Джейн кончила, все откинулись на спинки стульев и разразились хохотом. С другого конца стола какой-то человек (я узнал известного дипломата) обратился к миссис Тауэр:

— Ваша родственница остроумна, как всегда.

Миссис Тауэр улыбнулась:

— Она незаменима, не правда ли?

— Дайте мне выпить бокал шампанского и ради бога расскажите, как все это произошло, — попросил я.

Как сообщали миссис Тауэр, в самом начале свадебного путешествия Гилберт повел Джейн к парижским портным и сам сделал для нее модели всех платьев. У него, видимо, был к тому прирожденный дар. Платья, смоделированные Гилбертом, были решительно не похожи на все, что Джейн носила прежде. Гилберт и горничная француженка научили Джейн, как носить платья, как ходить, вставать, садиться и так далее. К их немалому изумлению, Джейн быстро усвоила все уроки. Француженка была в восторге от того, какие у мадам руки и плечи, и заявила, что преступление их скрывать.

— Погоди, Альфонсина, — сказал Гилберт, — следующие платья, которые я ей смоделирую, сделают ее богиней.

Труднее всего было с очками. Да и какая же женщина будет хорошо выглядеть, если она носит очки в золотой оправе! Гилберт испробовал все оправы на свете и уже пришел было в отчаяние, но тут его осенила идея использовать монокль. Когда они пришли в оптический магазин и Джейн примерила монокль, Гилберт всплеснул руками и расцеловал жену прямо на глазах у изумленного продавца.

— Ты изумительно выглядишь, — сказал он.

Затем они поехали в Италию и провели там несколько счастливых месяцев, изучая архитектуру Ренессанса и барокко. Джейн не только привыкла к переменам в собственной внешности — они ей нравились. Сначала она смущалась, когда входила в ресторан и на нее все оборачивались (прежде это было немислимо), но потом нашла, что это даже приятно. Женщины нередко осведомлялись у нее, где она шьет себе платья.

— Вам нравится? — кокетливо спрашивала Джейн. — Это платье сшито по модели, которую придумал мой муж.

— А можно скопировать фасон? — следовал немедленный вопрос.

— Мне очень жаль, — отвечала Джейн, — но муж у меня строгий, он будет против. Он хочет, чтобы я была ни на кого не похожа.

Так совершилось превращение. Пигмалион добился своего: он оживил свою Галатею.

— Все это понятно, — сказал я, выслушав историю Джейн. — Но почему она сейчас здесь, в компании всех этих герцогинь, министров и тому подобное? И почему она сидит во главе стола, между хозяйкой и адмиралом флота?

— Джейн острит, — ледяным тоном сказала миссис Тауэр. — Разве вы не видите? Все вповалку лежат от хохота, как только она скажет слово.

В тоне миссис Тауэр была горечь.

— Когда они вернулись, я пригласила их на обед. Я знала, что это будет пустая трата времени, но что делать? Я как-то не удосужилась повидать Джейн до этого обеда, а она немного опоздала: это был хитрый трюк Гилберта. Когда она вплыла в комнату, меня чуть удар не хватил. Все остальные женщины по сравнению с ней выглядели вульгарно и провинциально. Не могу вам описать ее платье. В таком наряде любая другая женщина была бы пугалом огородным, а Джейн выглядела просто умопомрачительно.

— Но вы и раньше, наверно, знали, что у нее хорошая фигура?

— Откуда? Она всегда ходила в каких-то бесформенных балахонах. А тут... Она точно и не заметила, что произвела тогда фурор; как будто так и должно было быть. А после этого обеда добрых три мои гости сказали мне, что моя золовка очаровательна и нельзя ли продолжить с ней знакомство. На следующий день мне позвонила нынешняя хозяйка и сказала, что ей все уши прожужжали о моей золовке, и попросила пригласить ее к ней на раут. У этой женщины был просто нюх: через месяц весь Лондон только про Джейн и судачил. И если я сегодня здесь, то не потому, что я уже двадцать лет как знакома с хозяйкой, и не потому, что она у меня сто раз обедала, а потому, что Джейн — моя родственница.

— Людям всегда нравится тот, кто их смешит,— заметил я.

— Меня она никогда не смешит.

На другом конце стола опять раздался взрыв хохота.

— Значит, вы единственная, кто не находит ее остроумной?

— А вам она когда-нибудь казалась остроумной?

— Признаюсь, нет.

— Она не говорит ничего такого, чего бы она не говорила все последние двадцать лет.

— А Гилберт здесь?

— Нет, у него какой-то обед в архитектурном институте, или как там это называется.

— Я смерть как хочу продолжить с ней знакомство.

— Подойдите к ней, когда встанем из-за стола. Она пригласит вас на свой четверг.

— Какой четверг?

— Она всегда принимает по четвергам. У нее лучшие приемы в Лондоне. Она за год добилась того, чего я — за двадцать лет.

— Просто непостижимо! Как это ей удалось?

Миссис Тауэр пожала своими красивыми, но полноватыми плечами.

— Я бы сама хотела это понять,— ответила она.

После обеда я пробился к дивану, на котором сидела Джейн. Адмирал, который сидел с ней рядом, не удосужился подвинуться, и Джейн, поздоровавшись со мной, представила мне его:

— Вы знакомы с сэром Реджинальдом Фробишером?

Мы начали разговор, и я поймал себя на том, что я тоже смеюсь, когда Джейн что-нибудь скажет. Она вроде бы не говорила ничего смешного, но ее манера и взгляд сквозь монокль придавали ее словам какую-то необъяснимую неотразимость. Когда мы расставались, она мне сказала:

— Если у вас в четверг нет более интересного занятия, приходите ко мне вечером. Гилберт будет рад вас видеть.

— Когда вы пробудете в Лондоне месяц, вы поймете, что по четвергам у вас никогда не будет более интересного занятия, — заметил адмирал.

В четверг я был у Джейн. Миссис Тауэр была права — это оказался великолепный вечер. Потом я часто видел Джейн и не только у нее на четвергах: редко я попадал на прием, куда бы и ее не пригласили. Я пытался докопаться, в чем секрет ее остроумия. Повторять ее шутки было бесполезно: юмор, как и хорошее вино, не терпит перемены мест. У Джейн не было дара сочинять каламбуры и парадоксы. В ее шутках не было ни насмешки, ни злости. Некоторые люди считают, что нет юмора без хотя бы легкой дозы фривольности, но Джейн ни разу не произнесла ничего такого, что заставило хотя бы слегка покраснеть даже кисейную барышню из пансиона благородных девиц. Все дело было, как видно, в ее тоне, а также в том, как она смотрела на своих слушателей. Все восхищались ею, и все смеялись, едва она открывала рот. Никто уже не удивлялся, почему Гилберт женился на женщине вдвое старше себя. Для нее возраст как будто не имел никакого значения. Все хором твердили, что «этому парню чертовски повезло». Адмирал цитировал мне Шекспира:

*Ее не смогут иссушить года,
Над свежестью ее не властно время.*

Гилберт радовался ее успеху в обществе. Я познакомился с ним поближе, и он мне понравился. Он, разумеется, не был ни мерзавцем, ни рвачом, ни охотником за приданым. Он не только страшно гордился женой, но и был к ней искренне привязан, даже трогательно было на них смотреть. Миссис Тауэр великодушно призналась, что ошиблась в нем. Однако в одном она продолжала упорствовать:

— Гилберту сейчас двадцать семь — как раз такой возраст, когда у мужчины появляется какая-нибудь очаровательная девушка. Вы не обратили внимания, как внимательно глядела на него племянница сэра Реджинальда в прошлый четверг?

— Едва ли у Джейн есть основания опасаться соперниц.

— Поживем — увидим, — сказала миссис Тауэр.

— Вы давали этому браку срок в шесть месяцев.

— Что ж, я ошиблась. Теперь я даю ему срок в три года.

Когда кто-то из наших знакомых в чем-нибудь твердо убежден, нам всегда хочется, чтобы он ошибся. Однако судьба редко дает нам именно то, что нам хочется. Миссис Тауэр может

сколько угодно думать, что в конечном итоге она оказалась бы права, я же думаю, что она скорее всего ошиблась бы. Однако случилось то, чего никто из нас не предвидел.

Однажды миссис Тауэр позвонила мне и попросила срочно прийти. Когда я вошел в ее комнату, она поднялась с дивана и бросилась мне навстречу, как тигрица бросается на добычу!

— Джейн и Гилберт разводятся! — закричала она.

— Неужели? Значит, вы оказались правы.

Миссис Тауэр взглянула на меня с выражением, которого я не понял.

— Бедная Джейн! — пробормотал я.

— Бедная Джейн? — переспросила миссис Тауэр с такой насмешкой, что я остолбенел и не нашелся, что сказать.

С трудом подбирая слова, она рассказала мне, что произошло.

Гилберт только перед моим приходом ушел от миссис Тауэр. Когда он к ней вошел, он был так бледен и расстроен, что она сразу же почуяла недоброе. Он еще и рта раскрыть не успел, а она уже знала, что он скажет.

— Мэрион, Джейн меня бросает.

Она улыбнулась и взяла его за руку.

— Я всегда знала, что вы поступите, как джентльмен. Было бы ужасно, если бы люди стали говорить, что вы ее бросили.

— Я пришел к вам, потому что знал, что вы мне посочувствуете.

— Ну что вы, Гилберт, я вас ничуть не виню. Это было неизбежно.

— Да, я понимаю, — вздохнул он. — Я не мог надеяться, что сохраню ее навсегда. Она была слишком хороша для меня, я ведь всего-навсего простой, неотесанный парень.

Миссис Тауэр улыбалась. Он вел себя выше всяких похвал.

— Ну, и что вы теперь будете делать?

— Как что? Она собирается попросить развода.

— Джейн всегда говорила, что не будет чинить вам препятствий, если вы снова захотите стать свободным и жениться на ком-нибудь другом.

— Неужели вы думаете, — воскликнул Гилберт, — что я женюсь на ком-нибудь другом после Джейн!

Миссис Тауэр была сбита с толку:

— Вы, конечно, имеете в виду, что это вы хотите оставить Джейн?

— Я? Да ни за что на свете!

— Так почему же вы разводитесь?

— Она собирается выйти замуж за сэра Реджинальда Фробишера, как только получит развод.

Миссис Тауэр застонала и чуть не потеряла сознание. Она пришла в себя только после того, как понюхала соль, и спросила:

— И это после всего того, что вы для нее сделали?

— Я ничего для нее не сделал.

— И вы позволите так с вами поступить?

— Перед тем как пожениться, мы уговорились, что не будем мешать друг другу, если кто-нибудь из нас захочет получить развод.

— Уговорились? Да ведь это был уговор ради вас, вас, сádовая вы голова! Ведь это было сделано потому, что вы на двадцать семь лет ее моложе!

— Что ж, этот уговор ей пригодился,— с горечью сказал Гилберт.

Гилберт покинул миссис Тауэр в полном отчаянии, и она облегчила себе душу, вызвав меня и исповедавшись передо мной. Она все еще была взвинчена до крайности, когда дверь отворилась и дворецкий ввел Джейн собственной персоной.

Джейн подошла поцеловать миссис Тауэр, но та отстранилась с ледяным выражением лица.

— Здесь только что был Гилберт,— сказала она.

— Я знаю,— улыбнулась Джейн.— Я ему посоветовала повидаться с тобой. Сегодня я уезжаю в Париж, и мне хотелось бы, чтобы ты его приободрила, пока меня не будет в Лондоне. Боюсь, поначалу ему будет без меня очень одиноко, и я буду спокойнее, если ты последуешь, чтобы он не скучал.

— Гилберт рассказал мне нечто такое, что у меня в голове не укладывается,— сказала миссис Тауэр.— Он говорит, что ты с ним разводишься и выходишь замуж за сэра Реджинальда Фробишера.

— Да, ну и что? Ведь ты же сама мне когда-то советовала выйти замуж за человека одних со мной лет. А адмиралу пятьдесят пять.

— Но, Джейн, ты же всем обязана Гилберту! Ты без него ничто. Что ты будешь делать без платьев по его фасонам?

— О, он любезно обещал продолжать делать мне фасоны!— небрежно ответила Джейн.

— Да лучшего мужа и желать невозможно! Он всегда был к тебе так добр.

— Я знаю, он был очень мил.

— Как ты можешь быть так бессердечна?

— Но я никогда его не любила, и он это знает. А я чувствую, что мне нужно общество человека моего возраста. Наш брак с Гилбертом слишком долго длился, нам уже даже не о чем говорить. Конечно, я не прекращаю с ним знакомство. Я уже до-

говорила с Реджинальдом. У адмирала есть племянница, она Гилберту как раз подойдет. Как только мы поженимся, мы пригласим Гилберта к себе на Мальту — ты знаешь, Реджинальд будет командовать Средиземноморским флотом, — и я не удивлюсь, если Гилберт и Сьюзен влюбятся друг в друга.

Миссис Тауэр хмыкнула.

— А с адмиралом ты тоже договорила, что вы не будете чинить друг другу никаких препятствий, если кто-нибудь из вас захочет получить развод?

— Я ему предложила такой уговор, — без тени смущения ответила Джейн, — но адмирал сказал, что от добра добра не ищут и он не собирает больше ни на ком жениться. И еще он сказал, что если кто-нибудь захочет жениться на мне, то у него на флагманском корабле найдется пара хороших пистолетов и он будет обсуждать этот вопрос на расстоянии шести шагов. Мне кажется, адмирал — человек довольно горячий.

Миссис Тауэр сердито осклабилась.

— Я никогда не считала тебя остроумной, — сказала она. — Не понимаю, почему все смеются, едва ты рот откроешь.

— Да, я тоже никогда не считала себя остроумной, — ответила Джейн. — И очень хорошо, что я уезжаю из Лондона до того, как люди поймут, что мы с тобой обе совершенно правы.

— А не поведаете ли вы нам секрет вашего необычайного успеха в обществе? — спросил я.

Она повернулась ко мне со своей знакомой милой улыбкой.

— Видите ли, когда я вышла за Гилберта, и поселилась в Лондоне, и люди начали смеяться тому, что я говорю, я сама удивилась больше всех. Я говорила то же, что говорила всю жизнь, но раньше никогда никто не думал, что это смешно. Сначала мне казалось, что все дело в моих платьях или в монокле. А потом я поняла: это все потому, что я говорю правду. Это так необычно, что кажется остроумным. Когда-нибудь еще кто-нибудь откроет этот секрет, и тогда уже никому не будет казаться смешным то, что люди говорят правду.

— А почему мне не было смешно? — спросила миссис Тауэр.

Джейн помедлила, точно подыскивая подходящее объяснение.

— Наверно, потому, Мэрион, что ты просто не знаешь, где правда, а где неправда, — ответила она добродушно.

Последнее слово осталось за ней. За Джейн всегда останется последнее слово. Она действительно незаменима.

СОДЕРЖАНИЕ

Видимость и действительность. <i>Перевод Г. Бена</i> . . .	3
Общественное мнение. <i>Перевод А. Стерниной</i> . . .	16
Ожерелье. <i>Перевод А. Стерниной</i>	22
Рука друга. <i>Перевод А. Стерниной</i>	27
Сокровище. <i>Перевод А. Стерниной</i>	31
Джейн. <i>Перевод Г. Бена</i>	44

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК»

1969 год

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- № 1. СЕРГЕЙ САРТАКОВ. **Жаркий летний день.**
- № 2. АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ. **Величие духа.**
- № 3. ПОБЕДНЫЕ РУБЕЖИ. Выпуск первый.
- № 4. ПОБЕДНЫЕ РУБЕЖИ. Выпуск второй.
- № 5. ФАЗУ АЛИЕВА. **Радугу раздаю.** Стихи ранних лет. Авторизованные переводы с аварского.
- № 6. ГЕОРГИЙ БЕРЕГОВОЙ. **Земля — стратосфера — космос.**
- № 7. ВАЛЕНТИН ПОНОМАРЕВ. **Расскажи моим девочкам...**
- № 8. ЕВГЕНИЙ ПОПОВКИН. **Графская кухарка.**
- № 9. ЮРИЙ БРЕЗАН. **История одной любви.** Повесть. Перевод с немецкого.
- № 10. РАСУЛ ГАМЗАТОВ. **Мой Дагестан.** Перевод с аварского.
- № 11. НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ. **Придорожная ива.** Лирика.
- № 12. ГЕОРГИЙ ГУЛИА. **Смерть неизвестного абхазца.** Рассказы.
- № 13. АРКАДИЙ ВАЙНЕР, ГЕОРГИЙ ВАЙНЕР. **Ощупью в полдень.** Часть первая.
- № 14. АРКАДИЙ ВАЙНЕР, ГЕОРГИЙ ВАЙНЕР. **Ощупью в полдень.** Часть вторая.
- № 15. САБИР. **Сатира.** Перевод с азербайджанского.
- № 16. МИХАИЛ ШОЛОХОВ. **Они сражались за родину.** (Главы из романа.)
- № 17. М. СЕМЕНОВ. **Чуть озорные рассказы.** Юмористические рассказы и фельетоны.
- № 18. СКОТТ ФИТЦДЖЕРАЛЬД. **Возвращение в Вавилон.** Рассказы. Перевод с английского.
- № 19. ГАРЕГИН СЕВУНЦ. **Русалка.** Рассказы. Перевод с армянского.
- № 20. МАРИЯ ХАЛФИНА. **Что старикам надо.**
- № 21. Ц. СОЛОДАРЬ. **Светло-бежевая кепка.** Сатирические и юмористические рассказы, страницы из записок болельщика.

- № 22. ЛЮДМИЛА ШИКИНА. Стихи.
- № 23. ВЛАДИМИР ГУЛЯЕВ. Год первый. (Воспоминания пионервожатого.)
- № 24. АНАТОЛИЙ КАЛИНИН. Цыган. Часть вторая.
- № 25. АГАТА КРИСТИ. Тайна египетской гробницы. Рассказы. Перевод с английского.
- № 26. ДМИТРО ЦМОКАЛЕНКО. Тайна убежища «Fortuna». Памфлеты. Авторизованный перевод с украинского.
- № 27. СЕРГЕЙ НИКИТИН. Дом под липами. Рассказы.
- № 28. ВЛАДИМИР ФИРСОВ. Республика бессмертия. Поэма.
- № 29. НОРА АДАМЯН. Пронгрыш на бегах. Рассказы.
- № 30. Ю. ИВАНОВ. Кому они служат?
- № 31. ЮРИЙ ГРИБОВ. Тихие острова... Очерки.
- № 32. АСКАД МУХТАР. Время. Стихи. Перевод с узбекского.
- № 33. «Новообращенный» и другие рассказы. Перевод с английского.
- № 34. АЛЕКСАНДР ГОВОРОВ. Радуги и выюги. Лирика.
- № 35. ШАРЛОТТА АРМСТРОНГ. Утром, в день святого Патрика. Рассказы. Перевод с английского.
- № 36. МИХАИЛ РЖЕВИН. Зорьки охотничьи, зорьки рыбацкие... Рассказы.
- № 37. ВЛАДИМИР ЧИВИЛИХИН. Земля в беде.
- № 38. ГРИГОРИЙ КОНОВАЛОВ. Гнев кротких. Рассказы.
- № 39. ИВАН БАУКОВ. В ожидании весны. Лирика.
- № 40. УИЛЬЯМ ДЖ. ПОМРОЙ. Кто виноват? Рассказы. Перевод с английского.
- № 41. АНАТОЛИЙ ЛАНЩИКОВ. Времен возвышенная связь. Статьи.
- № 42. М. НОВИКОВ. Тайны оружия.
- № 43. ГЕОРГИЙ ХОЛОПОВ. Кирилл Дорош идет!.. (Из «невывдуманных рассказов о войне».)
- № 44. МИХАИЛ ХОДАКОВ. Как не надо себя вести.
- № 45. В. МОСКОВСКИЙ. В разные годы.
- № 46. ЮРИЙ ВЛАСОВ. Вечный финиш. Рассказы.
- № 47. МАРК ТВЕН. На приеме у президента.
- № 48. ИСХАК МАШБАШ. Добрый голос твой. Стихи.
- № 49. Е. СУРКОВ. Литературные дуэли. Статьи полемические.
- № 50. НИКОЛАЙ КРУЖКОВ. Рассказы о художниках.
- № 51. МИХАИЛ АНДРИАСОВ. На вёшенской волне.

Сомерсет Моэм

ОЖЕРЕЛЬЕ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

Технический редактор — Я. Борисов.

А 00469. Подписано к печати 26/XII 1969 г. Формат бум. 70×108¹/₃₂.
Объем 2,80 условн. печ. л. 3,75 учетно-изд. л. Тираж 100 600.
Изд. № 2538. Заказ № 2815. Цена 8 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

КОЛХОЗНИКИ И КОЛХОЗНИЦЫ, РАБОЧИЕ И СЛУЖАЩИЕ СОВХОЗОВ!

Сберегательные кассы помогут Вам правильное строить свой личный бюджет, постепенно накопить нужную сумму денег для постройки или ремонта дома, приобретения различных ценных вещей и полнее удовлетворять за счет сбережений другие свои материальные и культурные потребности.

ВНОСИТЬ ДЕНЬГИ В СБЕРЕГАТЕЛЬНУЮ КАССУ МОЖНО НЕ ТОЛЬКО КРУПНЫМИ, НО И МЕЛКИМИ СУММАМИ.

● **ДЛЯ ВНЕСЕНИЯ** вклада не обязательно каждый раз лично являться в сберегательную кассу, можно безналичным путем перечислять часть денежных доходов. Для этого необходимо подать в бухгалтерию колхоза, совхоза или в отдел социального обеспечения заявление, указав в нем, какую сумму следует перечислять на Ваш счет в сберегательной кассе.

● **СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ** предоставляют вкладчикам ряд выгод и преимуществ: по вкладам, внесенным в сберегательные кассы, вкладчикам выплачивается доход в виде процентов или выигрышей; при желании вкладчик может внести дополнительный взнос на свою сберегательную книжку в любой сберегательной кассе; перевести вклад из одной сберегательной кассы в другую; выдать доверенность на получение вклада; завещать вклад любому лицу или организации. **ВКЛАД МОЖНО ПОЛУЧИТЬ** как в той сберегательной кассе, куда он был внесен, так и в **ЦЕНТРАЛЬНОЙ СБЕРЕГАТЕЛЬНОЙ КАССЕ ДАННОГО ГОРОДА** или **РАЙОНА**.

Тайна вкладов, их сохранность и выдача вкладчикам по первому требованию гарантируются государством.

Управление гострудсберкасс
и госкредита РСФСР